

Крина Минаева

Три часа утра

Роман о любви

16+

Новые имена современной литературы

Ирина Минаева

Три часа утра

«Издательство «Союз писателей»

2018

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Минаева И. Б.

Три часа утра / И. Б. Минаева — «Издательство «Союз писателей», 2018 — (Новые имена современной литературы)

ISBN 978-5-00073-845-0

В общежитии института иностранных языков ни дня не проходит без крутых тусовок. Пока весёлая компания устраивает розыгрыши, сплетничает и прожигает жизнь всеми возможными способами, две подруги погружаются в омут страстей и мечтаний. Стасенька делает непростой выбор между первым красавчиком института, завидным женихом Рожновым и харизматичным ресторанным музыкантом Юлием, который скрывает за внешним цинизмом глубокую личную драму. А Лара, напротив, ждет своего идеального героя. Она даже пишет о нём странную авантюрную сказку, но, как это часто бывает в жизни, не видит, что он совсем близко... Сколько же потребуется времени и сил, чтобы мечты и реальность наконец пересеклись в одной точке?

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-845-0

© Минаева И. Б., 2018
© «Издательство «Союз писателей», 2018

Содержание

Часть 1. Повезёт в любви?..	6
1	6
2	10
3	14
4	18
5	25
6	29
7	32
8	35
9	39
10	42
11	45
12	48
13	52
14	59
15	63
16	66
17	69
18	72
19	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ирина Минаева

Три часа утра

© Минаева И. Б., 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

Часть 1. Повезёт в любви?..

1

В коридоре слышались шаги, кто-то кому-то сказал мимоходом:

– Что это ты тут развратом занимаешься?

В ответ радостно хихикнули, хлопнула дверь, и снова всё стихло.

Стасенька попробовала было подремать ещё немного, но тут под её боком заворочался Лепилов. Он продрал свои голубые, обманчиво наивные глаза, приподнял встрёпанную голову и, убедившись, что все мирно спят, алчно потянул на себя одеяло.

– Сэнди, ну ты молодец! – ехидно похвалила его Стасенька. – Лорка сейчас проснётся, начнёт митинговать: ах, какой ужас, меня, значит, все видели в рубашке...

– Ну и что? – Лепилов снова поднял голову и недоуменно покосился на сладко спящую Лору, сплошь покрытую рюшечками и оборочками. – Если бы без – другое дело...

– Ну и ничего! – подумав, возмутилась Стасенька. – Это вы тут все нахалы, а мы с Каялиной скромные... Встань сейчас же и накрой нас!

– Да как я встану-то, когда я в самой середине? – удивился её бестолковости Сэнди.

– А я что, не скромный, что ли? – с усмешкой поинтересовался пробудившийся Рожнов.

Сэнди со Стасенькой, не сговариваясь, саркастически засмеялись, чем, наконец-то, разбудили Каялину и Вайнберга.

– Это что такое? – возмущённо продекларировала Лора. – В каком я виде?! – Она сдёрнула одеяло с Сэнди и со Стасеньки заодно и решительно в него завернулась. – Мало того, что их тут приютили, они ещё с законных хозяев, можно сказать, сдирают последнее! Чтобы я ещё хоть раз...

– Ага, – тут же поддержала её Стасенька. – Нашли себе бесплатный приют!

– Девочки, да чем же нам расплачиваться-то? Натурой разве! – усмехнулся «скромный» Рожнов и ткнул в бок Вайнберга. – А, Ген? Твое мнение?

– Доброе утро, – сказал Генрих, часто моргая со сна, чем вызвал новый приступ веселья.

Встали. Наскоро попили чаю. Застилать кровать – точнее, две сдвинутые кровати – времени не осталось. Лестница – шестнадцать пролётов вниз, рысью – мимо вахтёра: Рожнов и Вайнберг, по обыкновению, ускорили темп, потому что ночевали в общежитии нелегально.

Во время короткого марш-броска до института Рожнов со Стасенькой держались за руки, Лепилов не переставая язвил по этому поводу, а Лора пыталась его утихомирить. В вестибюле Вадим несколько быстрее, чем того требовала галантность, вытряхнул Стасеньку из шубы и заорал на молоденькую гардеробщицу Катю:

– Катрин! Время – деньги!

Он по-хозяйски сунул номерки в карман и бросил на ходу Стасеньке:

– Жди, сходим куда-нибудь!

– Куда бы это? – кокетливо улыбнулась она.

– В кино, в пельменную, в кафе? – приостановившись, развернул перспективы Рожнов.

И растворился в рассыпающейся по аудиториям толпе. Стасенька даже вслед ему толком поглядеть не успела.

Стасенька любила Рожнова. Он ей подходил во всех отношениях: красивый, высокий, спортивный, роскошные чёрные кудри и к тому же синие глаза – как раз в её вкусе.

В прошлом году, когда она ещё только молча вздыхала по Рожнову, изредка встречая его в институте, сидели они как-то тесной компанией в их с Каялиной 814-й, а по радио передавали

«Снегурочку», и Мизгирь там как раз распространялся насчёт своих амурных дел: «...за ласки золото бросал!».

Стасенька, как обычно, выступила в своей крайне непосредственной манере:

– Эх! Вот если бы мне за ласки золото бросали! Я бы, ух, какая вся из себя ласковая была!

Это заявление вызвало бурное оживление среди мужской части компании, а Паша Минин вдруг обратился к Каялиной с предложением: «Лариска! Выходи за меня замуж! У меня куча денег на книжке!».

Лора в ответ только фыркнула: «Да ты что! Из-за кучи денег жизнь себе ломать!». Паша оскорбился до глубины души. Он вообще постоянно на кого-то был в обиде (нужно заметить, что мнения о себе Минин был почему-то самого высокого). Он обижался на авторов книг, если они писали что-нибудь «не то», на музыкантов, которые выступали не в его вкусе, и даже на литературных героев программных произведений (других он не знал).

Одoleвая по три страницы в день «Чайлд Гарольда», Паша ограничивался сдержанными, но явно неодобрительными замечаниями типа: «Ну, блин, ваше...». Пересказывая же на домашнем чтении сказку Оскара Уайльда «Рыбак и его Душа», он осуждающе сказал о Душе: «Брешет, как сивый мерин!». «Как газовый счётчик», – машинально поправил преподаватель и только после этого захохотал вместе со всеми.

...Мизгирь тем временем развивал и конкретизировал свою идею, предлагая Снегурочке бесценный жемчуг: «Ценой ему – любовь твоя! Сменяемся?»

– Ты бы сменялась? – поинтересовался у Стасеньки Лепилов.

– Конечно! Он ведь ничего из себя был, Мизгирь-то этот... Обязательно бы сменялась! И приятно, опять же, и полезно! И выгодно! – подробно объяснила Стасенька.

– Тебе, значит, такие, как Мизгирь, нравятся? – с интересом спросил Лепилов.

– Ну, скорее, как Вадик Рожнов, – ехидно уточнила первая институтская красавица Рая Ляшенко по кличке Раймонда.

До этого она дошла своим умом, руководствуясь лишь Стасенькиными неоднократными излияниями на тему «Какие мальчики мне нравятся».

– Ну и что? – по простоте душевной подтвердила Стасенька. – Я и не отрицаю!

Все радостно засмеялись, а Лепилов деловым тоном сказал:

– Так, кого у нас сейчас Рожнов-то любит? Все ещё Аннет?

– Надо узнать, – откликнулась Раймонда, а Паша Минин с оскорблённым видом спросил Каялину:

– А тебе тоже такие нравятся?

– Мне вообще никакие не нравятся! – холодно ответила Лора.

– Правильно, Лариска, так их! – поддержала её Раймонда и добавила популярную крылатую фразу, гласящую, что все мужики – подлецы, а счастье в труде.

Отсмеявшись, разговор продолжили.

Стасенька выдала Лору с головой, объявив во всеуслышание, что ей нравится Олег Янковский.

– Потому что он умный, – принялась оправдываться Каялина.

– Ага, умный, – начал обличать её Лепилов. – Вон Луи де Фюнес тоже умный! А тебе, Стаська, кто из актёров нравится?

– Джонни Депп!

– Кого любишь больше: Рожнова или Джонни Деппа? – не отставал Сэнди. – Отвечай не задумываясь!

– Рожнова, – честно призналась Стасенька.

– А-а-а! – вскричал Сэнди торжествующе.

Стасенька начала аргументировать свой выбор:

– Ну и зачем мне любить какого-то там Джонни Деппа, который неизвестно где? А Рожнов – вон рядом по коридорам ходит...

– При прочих равных?! – решил добить её Лепилов.

– Рожнова, Рожнова, – вразумительно повторила Стасенька, и только тут до неё дошёл смысл их милой беседы.

После публичного заявления о своей любви к Рожнову деваться было некуда – нужно было от слов переходить к делу. Стасенька не обладала ни слишком богатой фантазией, ни излишней романтичностью, поэтому поразить сердце своего избранника решила не где-нибудь, а прямо в институтской столовой.

Точно рассчитав время и место, она подошла к его столу:

– Простите, здесь свободно?

Свободно было не только здесь, Рожнов это заметил и оценил:

– Да, пожалуйста... Разрешите...

Он галантно помог Стасеньке составить тарелки и отнёс к стойке её поднос. Вернувшись, стал не торопясь хлебать суп и выразительно смотреть. Потом сказал с загадочной улыбкой:

– Вы домой на праздники не летали, а я летал!

Стасенька сосредоточилась.

– Похоже.

– Почему?

– Вид испуганный.

Он засмеялся и продолжил:

– Мне каждый месяц места бронируют. Хотите, вам забронирую?

– К вам? – мило пошутила Стасенька.

– Могу и к вам, – ответил он несколько озадаченно.

– Спасибо, – с самой очаровательной из своих отработанных улыбок поблагодарила она и мысленно добавила: «...и на том».

Дальше всё пошло обычным путём:

– Между прочим, меня зовут Вадим.

Как будто Стасенька этого не знала! Как будто не его «заветными вензелями» расписала она целый лист в тетради по французскому!

– А меня зовут Станислава.

– О! Вы, случайно, не полька?

– Случайно, нет, а что?

– Да нет, ничего. Просто вспомнилось: «Нет на свете царицы краше польской девицы» – так, кажется?

– Вы это мнение разделяете?

– Разделял до сегодняшнего дня.

– Если это комплимент, то спасибо, – ну, и так далее.

По всем признакам, упомянутой Лепиловым Аннет к тому времени уже была дана отставка.

Сэнди и прочие просто отпали, когда в разгар обычного веселья в 814-ю постучали, и на пороге появился Вадим Рожнов, собственной персоной.

– Привет честной компании! Здравствуй, Стасенька! Мы к тебе в гости – не прогонишь?

Был он не один – для храбрости прихватил с собой Вайнберга. Стасенька тогда Генриха совсем не знала и, небрежно кивнув обоим, продолжила прерванный их вторжением разговор:

– История педагогики, конечно, ужас, но я уже начала писать шпоры. А вот что я точно не сдам, так это литературу... Господи, как я её ненавижу! Нет, так-то, конечно, можно бы сдать, но Софье – бесполезно...

– Почему же? – осторожно полюбопытствовал Генрих.

– А! Ты не знаешь, какой она зверь!

Тут Рожнов, с трудом сдерживая хохот, всё-таки сжалился и предупредил:

– Ты, Стасенька, поосторожнее насчёт Софьи Борисовны... Это, между прочим, её сын!

– До свиданья, – сказала обалдевшая Стасенька после минутной паузы и пошла было куда-то из собственной комнаты.

– Да не сын я, не сын! – решил поприкалываться Генрих. – Просто родственник... дальний!

– Всё равно... – хныкала Стасенька.

Потом она подумала немного и радостно воскликнула:

– А я, между прочим, все книги по списку уже прочитала! Вот сейчас дочитываю! И вообще мне французская литература очень-очень нравится! Гобсек там... то есть нет, Бальзак! Тьфу, ну, в общем, этот, который кофе пил...

С того самого вечера Рожнов так часто тусовался в 814й, что его квартирная хозяйка искренне недоумевала, зачем он платит за комнату, в которой почти не появляется.

2

В собственную исключительность в большей или меньшей степени верят почти все. В своей Лора была убеждена абсолютно, причём с самого юного возраста.

Она и вправду в чём-то была не такая, как другие. Например, не любила сказок – даже в детстве. Нет, покупаемые для нее книжки с красивыми картинками пятилетняя Лора – тогда ещё Лара – читала: очень быстро и без удовольствия. На вопрос мамы или бабушки, понравилась ли новая сказка, говорила с сожалением: «Да нет, не очень». И в ответ на удивлённое: «Почему?» – «Да как-то всё в ней... не знаю, слишком просто!».

Лара была одарённым ребенком. В семь лет она прилично исполняла на фортепьяно несложные пьесы Чайковского, запросто обыгрывала в шахматы приходящего иногда в гости папу, инженера-конструктора первой категории, знала наизусть несколько страниц из «Евгения Онегина» – это произведение нравилось ей гораздо больше сказок, хотя и здесь не обошлось без критики.

Только вот на спортивном поприще успехи ей не светили: от физкультуры Лару отворотило решительно и бесповоротно ещё в начальной школе.

Она тогда простудилась и пропустила несколько уроков, на которых все остальные учились лазить по шведской стенке. А пришла как раз тогда, когда нужно было сдавать это упражнение уже на оценку.

Во-первых, лезть под потолок, а потом ещё обратно было довольно страшно само по себе. Во-вторых, сознание того, что выстроившиеся в шеренгу одноклассники не сводят с тебя любопытных глаз, уверенности не добавляло. И наконец, дело осложнялось тем, что за это необходимо было, как всегда, получить только пятёрку.

Лара волновалась и схватилась пару раз не за ту перекладину, за которую полагалось.

– Молодец, Каялина, – сдерживая хроническую зевоту, похвалила её... стоп, как же её звали-то, их тогдашнюю учительницу? Не Феофила, конечно, и не Неонила, но как-то наподобие. А по отчеству – Аполлоновна, это почему-то чётко запомнилось.

Так вот, и произнесла она тогда в высшей степени доброжелательным тоном:

– Молодец, Каялина. Для первого раза очень даже неплохо. Четвёрку вполне можно поставить, – и поставила недрогнувшей рукой в журнал.

С того самого дня Лара весьма изобретательно изыскивала причины отлынивать от физкультуры. Со здоровьем у неё с детства было не очень, поэтому справки об освобождении выдавались ей по первому требованию.

Среднюю школу Лара закончила с двумя четвёрками – по химии и по геометрии – и с прочерком вместо оценки по физкультуре.

Когда она поступила в ин'яз, мамыны знакомые дружно ужасались:

– Наталья Тихоновна, да ведь там такие девицы... и курят, и пьют, и мужиков водят...

– Я за Ларочку в этом отношении совершенно спокойна, – безмятежно отвечала им мама. – У неё правильное воспитание.

Воспитание у Лары было, пожалуй, даже слишком правильное. В школе мальчики на неё поглядывали, но предложить дружбу решил только один, самый отважный. Миша Данков был умница, спортсмен, турист и вообще не из тех, кто боится трудностей. Когда они учились в девятом классе, он как-то подошёл к Ларе на перемене и спросил без долгих предисловий:

– Ларис, как насчёт того, чтобы сходить вечером в кино?

Правильно воспитанная, Лара уставилась на него так, что отважный турист быстро оглянулся – посмотреть, что же такое страшное творится у него за спиной. Но там было всё в порядке, зато Лара покраснела, побледнела и ответила тоном, от которого у спортсмена Миши Данкова слегка подогнулись колени:

– Не с тобой ли?..

– Извини, – с вытянувшимся лицом пробормотал он, в то время как ноги уже несли его на хорошей скорости к выходу.

Больше героических попыток сойтись поближе с Ларой мальчики в школе не предпринимали.

В институте история повторилась несколько раз – последнюю попытку предпринял не так давно Вайнберг – с вариациями, но с неизменным результатом.

При этом Лара, как ни странно, всё-таки мечтала о своём неведомом пока избраннике.

Поначалу это был Прекрасный Королевич – конечно, не такой простой и незамысловатый, как обыкновенные сказочные принцы. Её Королевич был другой – намного интеллигентнее, с более сложным внутренним миром.

У него, например, и мысли не возникало варварским способом отрубить Дракону его огнедышащие головы, чтобы освободить Прекрасную Принцессу. Ему было вполне достаточно подойти к чудищу вплотную, заглянуть тому в глаза (видимо, центральной головы) и негромко сказать:

– Слушай, друг, я не понимаю – зачем ты её в заточении-то держишь? Думаешь, она тебя полюбит, что ли, за это?..

Ошарашенный Змей, поморгав, пытался гнуть свою линию:

– По-моему, я поступаю логично! Надоест ей сидеть взаперти – так за меня и пойдёт, раз больше деваться некуда!

– Плохо ты её знаешь, – усмехался Королевич.

– А ты что, хорошо?! – настораживался Дракон.

– Представь себе. Мы любим друг друга уже год, три месяца и четырнадцать дней.

Трёхголовый заметно грустнел, однако продолжал прикидывать варианты:

– А если я тебя... э-э... ну, в общем, изничтожу?

– Это ничего не изменит, – спокойно отвечал Королевич. – Всё равно она будет любить меня. А вот на тебя тогда, дорогой друг, она и взглянуть-то не сможет без отвращения. Это я тебе точно говорю...

Понурился Змей, задумываясь и, наконец, спрашивал угрюмо:

– Ну а если... я её отпущу?..

– Наверное, она будет вспоминать о тебе с благодарностью, – помолчав, отвечал Королевич. – Поверь, это тоже чего-то стоит. Благодарность – прекрасное, святое чувство. К сожалению, довольно редкое в наше время.

И добавлял после паузы:

– А невесту мы тебе подберём, не расстраивайся. Найдём по тебе, спасибо скажешь. Если честно, с моей у вас дело вряд ли склеилось бы. Вы с ней слишком разные. Вот и пришлось бы через месяц на развод подавать – «не сошлись характерами». Так что всё к лучшему...

Потом это был жутко романтический рыцарь – нечто среднее между благородным королём Артуром и мудро-загадочным волшебником Мерлином (в молодые годы, разумеется). Да если разобраться, то и от отважного Ланселота что-то в нём было... во всяком случае, все без исключения прекрасные дамы во главе с юной королевой Джиневрой «сообща вздыхали по нему».

Но Кей – так его звали – оставался к их вздохам монументально холоден: он любил принцессу Ингрид, красивую, но донельзя капризную и избалованную, и все свои бесчисленные подвиги совершал исключительно в её честь.

Тем не менее, отношения с принцессой у него складывались довольно сложные: тщеславная красавица Ингрид слишком часто и не по делу рисковала его жизнью, требуя все новых и новых доказательств любви и преданности. В конце концов, она дошла до того, что, по мотивам

известной баллады Ф.Шиллера, кинула в вольер с хищниками перчатку со своей прелестной ручки и предложила Кею достать её, посулив в награду поцелуй.

Будучи совершенно уверенной в его чувствах, она желала продемонстрировать всем, что её верный рыцарь ценит свою возлюбленную куда больше, чем шиллеровский – свою.

– О небо! – сказал с досадой Кей. – Угораздило же влюбиться в такую...

Из соображений рыцарской галантности он фразу не договорил, вскинул голову и пошёл за перчаткой.

Тысячи глаз следили за ним с ужасом и восхищением, а кто-то из родственников даже крикнул, не в силах сдержать волнение:

– Кей, не будь ослом! Плюнь на это дело, не ходи!

Чуть заметно усмехнувшись, Кей прошёл мимо хищников, которые вели себя точь-в-точь как в балладе, – агрессивно порывивали, но не более того. Поднял перчатку и направился к возлюбленной.

Принцесса с сияющей улыбкой поднялась ему навстречу. Кей остановился в нескольких шагах от неё и, держа трофей двумя пальцами прямо перед собой, выразительно сказал:

– Ну, что? Не будем отступать от классического сюжета?!

Красавица ахнула и на всякий случай прикрылась веером. Постояв несколько мгновений в раздумье, рыцарь вздохнул и молча протянул ей перчатку.

– Теперь скажи: «Не требую награды!» – со всех сторон принялись подсказывать ему доброжелатели.

– Ещё чего! – хмыкнул Кей. И добавил грустно – Хоть шерсти клок...

У принцессы охота целоваться почему-то отпала, и она, потупив взор, предложила:

– Давай лучше в другой раз?.. Без свидетелей?

– Ну, ладно! – легко согласился доблестный рыцарь. – Жди вечером в гости, – и ушёл, насмистывая.

Отношения он с принцессой выяснял долго – до тех пор, пока не надоел Ларе окончательно.

Тогда его сменило принципиально и качественно новое лицо. На сей раз это была какая-то нелегально-героическая личность по имени Гай Юлий, а отслеживал его заместитель шефа Секретного департамента тайной политической полиции Зигурд Хоффман. Гай Юлий был парень не промах: помимо своей основной подпольной деятельности он ещё попутно успевал развлекаться с очаровательной невестой Хоффмана Сюзанной, которая, разумеется, влюбилась в него со второго же взгляда.

Правда, даже в самых подходящих обстоятельствах они слишком далеко в своих отношениях не заходили, а разговоры вели достаточно умные. Например:

– Юлий, у тебя такое имя... Ты тоже должен быть великим.

– Ещё чего не хватало. Я вообще этого Цезаря терпеть не могу, он был завоевателем!

– Ну и что? Тогда было другое время!

– Мне кажется, во все времена люди примерно одинаково хотели жить. И примерно одинаково относились к захватчикам.

В деле он тоже был хорош. Взять хотя бы сцену его очередного ареста. Когда полицейские начали ломиться в дверь, Гай Юлий первым делом убрал с подоконника условный знак – белый будильник., а потом для отвода глаз грохнул об пол горшок с цветком.

– Вы об этом пожалеете, – пихнув осколки ногой, пообещал ему Хоффман.

– Уже жалею, – ответил ему Гай Юлий. – Что не об вашу голову!

Хоффман, разумеется, тут же расписал в общих чертах ближайшее будущее «этого зарвавшегося наглеца» и выразил надежду, что тот очень скоро запоёт по-другому. Заместитель шефа Секретного Департамента был по натуре оптимист, но, как выяснилось впослед-

ствии, недостаточно хорошо разбирался в людях. Работавшие с Гаем Юлием полицейские сначала потребовали молока за вредность, а потом и вовсе начали поговаривать о забастовке.

Короче говоря, Гай Юлий представлял собой почти идеального героя, и Лора была от него в полном восхищении. Он, понятное дело, «в сновиденьях ей являлся» и, незримый, был ей всегда мил. Правда, жил и геройствовал он, к сожалению, не где-то рядом, а совсем наоборот: за тридевять земель, в тридесятом королевстве.

А что касается Генриха Вайнберга, он, с одной стороны, хоть и обретался постоянно в их общежитии, забывая родной профессорский дом, и как-никак отличник, и даже вполне интеллигентен (что по нашим временам, опять же, большая редкость), но с другой – какие тут могли быть сравнения с практически идеальным Гаем Юлием?

3

Говорят, жизнь похожа на зебру: чёрные полосы чередуются со светлыми, за удачами, как правило, следуют неприятности, за ними – опять что-то хорошее и так далее.

Жизнь Вадима Рожнова была похожа не на зебру, а, скорее, на медведя. Белого. Да, именно на белого медведя – что-то такое сплошь светлое, пушистое и гладкое.

С родителями Вадиму повезло – его отец возглавлял профком крупного производственного объединения, а мама заведовала книготорговой базой. Все и всегда его любили – «за ум, красоту и высокие моральные качества», как разъяснял секрет своей популярности в массах сам Вадим.

Располагая всеми данными, чтобы стать отменным Дон Жуаном, Рожнов очень скоро сбился со счёта своих побед на личном фронте. Отношения со Стасенькой складывались у него, как всегда, в хорошем темпе, и единственное, что до некоторых пор беспокоило Вадима, – то, что, не в пример предыдущим девочкам, она нравилась ему с каждым днем всё больше.

– Как думаешь, почему? – спрашивал её Рожнов с нескрываемым любопытством. – Что в тебе такого особенного?..

Стасенька в ответ недоумевала не менее искренно:

– И чего ты так воображаешь? Ну, у меня хоть волосы красивые, а у тебя?..

– А кто лучше меня в институте-то? Кто? – в свою очередь, удивлялся Рожнов.

Бестактное ржание окружающих, присутствующих при этих милых беседах, ни Стасеньку, ни Вадима не смущало. Даже наоборот, каждый активно старался привлечь их на свою сторону.

– Лор, ну скажи! – взывала к подруге Стасенька. – Что в Рожнове хорошего? Ну, рост... Ну, фигура. И всё!

– Смазливая физиономия, – холодно добавляла справедливая Лора.

– И только-то? – поражался Вадим. – А идеальный характер? Блестящий аналитический ум? Темперамент, в конце концов!

– Чувство юмора, – с готовностью подсказывал Вайнберг.

С чувством юмора у Вадима было всё в порядке, но в том ничем особо не примечательном кафе, куда они со Стасенькой заскочили в воскресенье, ему стало совсем не до смеха, когда она вдруг поправила локоны и заявила, что в кино не пойдёт, потому что здесь «просто обалденно».

Вадим тут же развернулся на девяносто градусов и устремил взгляд на эстраду. Сначала никакой опасности с той стороны он не почувствовал. Музыкантов было пятеро, все вроде обыкновенные. Они бестолково слонялись по сцене, брэнчали что-то невразумительное, проверяя звучание инструментов, перебрасывались отрывочными, непонятными фразами.

Но потом они заиграли, а один, в белых штанах, запел – причём, по-английски. Произношение у него было довольно приличное, а песня – какая-то странная, вызывающе нежная, или это он пел её так?..

Рожнов снова повернулся к столу. Стасенька сидела неподвижно с надкушенным пирожным в руке. К большому своему удивлению, Вадим почувствовал, что любимая сливочная «корзиночка» тоже почему-то застревает у него в горле.

Под такую музыку много чего можно было делать, но жевать – практически не получалось. Осознав это, Вадим обратился к Стасеньке с конкретным предложением:

– Потанцуем, что ли?

– Тихо, не мешай! – отмахнулась она.

Через несколько минут, всего после двух бокалов шампанского, Стасенька наконец-то повернулась к Вадиму и отчетливо произнесла буквально следующее:

– Он похож на тёплый ветер.

Вадим моргнул два раза, осмысливая это странное заявление.

– На ветер, но тёплый! – добавила Стасенька таким тоном, будто ей возражали.

– Детка, ты перед шампанским ещё, что ли, чего хлебнула? – заботливо спросил Рожнов.

– Прекрати! – буркнула Стасенька, но было похоже, что это так, – когда музыканты вскоре ушли на перерыв, она откинулась на спинку кресла и, глядя в потолок блестящими глазами, начала выдавать ему такие вещи:

– Знаешь, Дымочек... ты, конечно, хорош во всех отношениях... а в постели – так очень даже хорош... но любовь – это, оказывается, совсем другое...

– Вполне возможно, – усмехнулся Рожнов. – Но если уж мы заговорили о любви, не пора ли нам отсюда двигать?

– А как ты думаешь, – мечтательно проговорила в ответ Стасенька, – что будет, если я к нему сейчас подойду... и скажу...

– Что ты ему скажешь?

Поразмыслив, она остановилась на самом простом и незатейливом варианте:

– Ну, если, например – «Я вас люблю»?

Вадим, который наконец-то почувствовал себя оскорблённым, фыркнул:

– Возможно, он тут же предложит тебе руку и сердце, но более вероятно – посоветует пить в меру своих способностей!

Выслушав эти прогнозы, Стасенька торопливо допила третий бокал шампанского, встала и на глазах у всех пошла к двери, за которой скрылись музыканты.

Войдя в нее, она оказалась в узеньком, довольно обшарпанном коридорчике, упиравшемся в ещё одну дверь.

Стасенька постояла перед ней, с замиранием сердца прислушиваясь к доносящемуся с той стороны загадочному шуму и грохоту, на фоне которых выделялись бессистемно повторяющиеся взрывы буйного хохота. На её стук после первого раза не отозвался никто, а после второго – сразу несколько голосов:

– Кто-то стучит, или мне послышалось?

– Фил, спасайся! Наверное, опять твоя любовь!

– А может, кто с официальным визитом? Юлий, Мэри, примите пристойные позы – вы дискредитируете порядочное общество!

И в ответ на это – его спокойный голос:

– Ты бы лучше хоть половину бутылок под стол задвинул! Многовато их тут для порядочного общества!

Видимо, к его совету прислушались, потому что тут же раздался темпераментный перезвон бутылок, вслед за чем дверь, наконец, распахнулась.

Стасенька увидела его сразу. Он сидел на диване, поджав под себя одну ногу, в обнимку с «фирменной» длинноволосой красоткой. Дымил сигаретой и смотрел в упор утомлённо-оценивающим взглядом.

– Ой, какая девочка! – завёлся кто-то из компании. – И к кому это ты такая?

– Юлий, это кто? – напряжённо спросила его красотка, которая, в отличие от всех остальных, почему-то сразу поняла, к кому она.

– Без понятия, – холодно ответил он, стряхивая пепел в банку из-под тоника. – Девочка, ты чья?

– Твоя навеки, – бодро подсказал рыжий клавишник.

Стасенька, собрав все своё самообладание, постаралась, чтобы голос её прозвучал непринуждённо:

– Можно вас на минутку... Юлий?

Он ещё раз неторопливо затянулся, бросил девице:

– Извини, – и поднялся.

Они вышли в коридор.

– «В сети я твой попался, как в бордель монах, – тут же пропел им вдогонку слаженный хор, а дальше грянул бодрым речитативом: – ...и морально разлагался прямо на глазах!»

Юлий чуть заметно усмехнулся. Стоя рядом с ним у тёмного, холодного, давно не мытого окна, выходящего на какой-то грязный двор, заваленный пустыми ящиками, Стасенька вдруг ощутила совершенно ясно и определённо, что эти мгновения – самые счастливые во всей её благополучной и безоблачной жизни.

– Вы знаете, как переводится дословно с английского «влюбиться»? – спросила она наконец, облизнув сухие губы.

– «Упасть в любовь».

Стасенька озадаченно умолкла. Обычно разговор на эту тему разворачивался по другому сценарию. Очередной мальчик радостно отвечал: «Нет, не знаю». – «Упасть в любовь», – говорила она, скромно потупив взор. «О!» – восхищался мальчик, ну и предлагал, естественно, «упасть совместно».

– Как тебя зовут? – спросил Юлий.

Тон у него был или казался слегка снисходительным.

– Станислава.

– Жалко...

– Что – жалко? – изумилась Стасенька.

– Понимаешь, я к этому вопросу подхожу принципиально, – сообщил он небрежно. – Любовью занимаюсь исключительно с Машами...

– Классно! – оценила подход Стасенька. – Неужели сам придумал?

– Да нет, помогли, конечно... – он чуть-чуть помрачнел. – Но это другой разговор. Слушай, а этот твой амбал – он...

– Какой амбал?

– Ну, этот, с которым ты сюда явилась. Чем он тебя не устраивает?

– До сегодняшнего вечера всем устраивал, – честно призналась Стасенька и, повернув голову, посмотрела ему в глаза.

Глаза были тёмно-серые, холодные, с коричневыми ресницами, брови чуть темнее, а волосы, наоборот, светлее – длинные, блестящие и на вид очень мягкие...

– Н-да-а, – протянул Юлий с неопределённым выражением. – Так что же будем делать?

– Может, тогда чем-нибудь другим займёмся? – предложила Стасенька, по-прежнему не отводя взгляда.

– Например? – хмыкнул он.

– Ну, например, почитаем вслух книжку! Надеюсь, этим ты не занимаешься исключительно с Дашами?

Юлий усмехнулся.

– Нет, этим я вообще не занимаюсь. Последний раз я держал в руках книгу три года назад.

– А название не помнишь?

– Кажется, «Грамматика английского языка».

– Ты что, иняз закончил?

– Нет, не закончил. Вылетел с третьего курса.

– Интересно...

– Да нет, не особенно. Значит, почитаем книжку, говоришь... Ну, что ж. Можно попробовать, – он вытащил из кармана блокнот, вырвал листок, написал номер телефона. – Звякни в пятницу после двенадцати...

– Ночи? – слегка растерялась Стасенька.

Юлий снова усмехнулся.

– Ну что ты. Дня, конечно. А какую книжку будем читать?

– Можно энциклопедию, – подумав, предложила Стасенька.
Он засмеялся.

4

Юлий сказал Стасеньке чистую правду: любовью он действительно занимался исключительно с Машами. Было их у него за всё время не слишком много – три, четыре? Собственно, он никогда и не считал – отчётность ему была вроде бы ни к чему.

О чистоте своего морального облика Юлий в этом плане заботился не особенно, и каждую новую девочку, во избежание недоразумений, сразу предупреждал открытым текстом, что никогда никого не любил больше трёх недель.

Это было неправдой.

Машу Воробьёву он любил восьмой год. Точнее, Машу Воробьёву он любил четыре с половиной года, потом она стала Машей Сладковской, а Юлий вылетел из института за пропуски занятий без уважительных причин.

В школе Маша Воробьёва была личностью довольно известной. Прежде всего, своей необычной красотой: спокойные серые глаза, прямые светлые волосы, и сама вся какая-то утончённая – как редкий садовый цветок или как средневековый мальчик-паж. Кроме того, она занимала призовые места на самых разных районных олимпиадах, лучше всех танцевала на вечерах и дружила с местной футбольной звездой Феликсом Ржаевым.

Юлий был, во-первых, младше её на год, а во-вторых, ничем особенным, кроме хронической неуспеваемости по английскому языку, не выделялся. Поэтому, когда на одной из перемен Маша Воробьёва появилась в их кабинете с вопросом «Где тут у вас Медников?», это произвело на весь 9-й «Б» довольно сильное впечатление.

Девочки, толкая друг дружку локтями и многозначительно хихикая, указали на его стол – последний в первом ряду. Юлий в это время в срочном порядке списывал у соседа Мити какую-то нерешаемую задачу по химии.

– Привет, – сказала Маша, останавливаясь рядом. – У нас через две недели будет вечер, посвящённый Великобритании.

Юлий оторвался от тетради и молча на неё уставился.

– Ты нам споёшь какую-нибудь песенку на английском? – вежливо спросила Маша.

– Я?! – изумился Юлий.

Маша заглянула в блокнотик и прочитала вслух:

– Девятый «Б». Медников. Это ты?

– Ну, я, – растерянно сказал Юлий. – Только я не пою!

– Да ладно тебе, – не поверила Маша, – вот же у меня записано... Значит, так. Репетиция во вторник, в актовом зале после шестого урока. Лучше что-нибудь из классики – «Битлз», «Дип пёпл», а вообще на твоё усмотрение. Ждём тебя.

Маша повернулась и ушла, а Юлий снова потянулся к недосписанной задаче, хотя ему, понятно, было уже не до химии.

В тот день он сбежал с двух последних уроков – голова шла кругом, он не знал, что делать. У него была гитара, старенькая шестиструнка, иногда он на ней от нечего делать что-нибудь брэнчал и мурлыкал тихонько, но в школе об этом не могла знать ни одна живая душа. И вдруг – такое...

Дома Юлий с порога взялся за гитару и с удивлением обнаружил, что руки трясутся. Играть он не мог – совсем ничего не мог, только лежать, смотреть в потолок и вспоминать её слова, движения, взгляды...

Потом нахлынуло вдруг пронзительное, пугающее своей силой ощущение счастья, тут же вогнавшее его в краску, – было стыдно испытывать столь бурные чувства от такой, в сущности, ерунды: ну, подошла, ну, позвала на вечер...

Умом – понимал, но волнение не отпускало, и ощущение счастья не проходило.

Было трудно дышать.

Вечером Юлий заперся в своей комнатёнке и сочинил свою первую песню, на стихи Гарсиа Лорки: «Ранит голос твой весенний среди рыночного крика, сумасшедшая гвоздика, заблудившаяся в сене...»

Потом он играл на гитаре все вечера напролёт – до тех пор, пока родители не начинали орать на него из другой комнаты громче телевизора, а соседи снизу и сверху – стучать по трубе.

На репетиции во вторник он спел битловскую «И я люблю её». Когда он закончил, Маша подошла какая-то притихшая, не похожая на себя, сказала:

– Просто нет слов... – и присела рядом с ним на край сцены.

Потом попросила:

– А ещё раз можно?..

Он спел ещё раз. Маша встала, прерывисто вздохнула и сказала англичанке:

– Я пойду, Ксения Андреевна, у меня что-то голова кружится...

И выбежала из зала.

Через несколько дней Маша ему позвонила вечером и долго молчала в трубку. У Юлия и в мыслях не было, что это может быть она, и сначала он спросил не особенно ласково:

– Ну, что там – заснули, что ли?

Потом поинтересовался:

– Что за идиотские шутки?

Тогда она сказала:

– Это я.

Он её не узнал – спросил, кто.

Она ответила:

– Маша.

Теперь замолчал он – не мог опомниться.

Она спросила:

– Ты что сейчас делаешь?

Он посмотрел на раскрытый учебник на столе:

– Кажется, геометрию.... А ты?

– А я... с ума схожу...

– Почему?..

– Не по чему, а по кому...

– По кому? – туповато переспросил он.

– Ты до сих пор не догадался?..

Он настолько обалдел, что зачем-то сказал:

– А как же Феликс Ржаев?

Маша помолчала, потом тихонько вздохнула:

– Спроси что-нибудь полегче.

Любовь у них в самом деле была какая-то сумасшедшая: едва расставшись, они с порога бросались к телефонам.

По воскресеньям они встречались рано утром и как-то умудрялись не надоесть друг другу до самого вечера. Мало того, время от времени Маша звонила ему и ночью, благо имелась подходящая причина: она почему-то никак не может заснуть, даже таблетки не помогают.

Юлий брал гитару и тихонько пел ей в телефонную трубку колыбельные, и не только их, – иногда до самого утра. Несколько раз эти спецконцерты прерывались внезапным криком Машиной мамы, которая темпераментно призывала его «немедленно прекратить хулиганство» и оставить её дочь в покое.

Юлий с ней никогда не встречался, поэтому долго не мог понять, чем объясняется с её стороны такая агрессивность по отношению к нему. Потом удалось выяснить, что Машина

мама занимает какой-то немаленький пост в районном «Белом доме» и, исходя из этого, считает, по-видимому, сына «простого электрика» и библиотечарши решительно неподходящим объектом для нежных чувств своей единственной дочери.

Машин папа тоже занимал приличную административную должность, хотя и на производстве, и тоже пару раз звонил Юлию, настоятельно рекомендуя ему забыть о Машинем существовании.

Юлий поначалу в ходе этих переговоров нервничал, терялся. Потом почти привык, научился отвечать ровным, безукоризненно любезным тоном что-нибудь вроде: «С удовольствием пошёл бы вам навстречу, но, к сожалению, это практически невозможно!», чем вызывал у Машиных родителей новый прилив сильных чувств и соответствующих выражений.

Узнав, что Маша собирается поступать в ин'яз, Юлий взялся за английский. Через какой-нибудь месяц он уже свободно объяснял ей согласование времен, косвенную речь и другие сложные вопросы, которые на уроках Ксении Андреевны освещались весьма туманно. Кстати, англичанка отнесла невероятный скачок Юлия от оценки «три пишем, два в уме» до твердой пятёрки по языку исключительно на счет того, что «вовлечение ребёнка во внеклассную работу способствовало зарождению у него глубокого и стойкого интереса к предмету», как она отметила в докладе на педсовете.

К тому времени, правда, выяснилось, что в работу эту «ребёнка» вовлекли по ошибке: вместо Юлия на вечере должен был выступить Мельников из 9-го «В», который закончил музыкальную школу по классу баяна и иногда на предпраздничных концертах веселил публику исполнением русских народных песен. Располагая этими данными, Ксения Андреевна рассудила, что Мельников может при необходимости исполнять и английские песни, записала наспех его фамилию и класс Маше в блокнотик и на том успокоилась.

Увидев на репетиции Медникова, Ксения Андреевна удивилась, но услышав его, осталась вполне довольна. Правда, песня ей понравилась не особенно: с воспитательной точки зрения лучше было бы выбрать какую-нибудь более прогрессивную – скажем, антивоенную. В ответ на конструктивное замечание Медников пожал плечами и заявил, что по его, видите ли, мнению, самое прогрессивное явление в мире – как раз любовь. Но это к слову.

Маша с блеском сдала все вступительные экзамены в ин'яз. На следующий год туда же поступил и Юлий. Они почти не расставались и были очень счастливы целых два года.

В начале четвертого курса Маша, как обычно, уехала со своей группой на картошку – восемь часов на поезде в одну сторону. Юлий должен был отрабатывать весь сентябрь в институте: кто-то на военной кафедре прознал, что он неплохо пишет пером и рисует, и его запрягли по этой части.

Прежде всего Юлий попытался устроить скандал начальнику кафедры полковнику Терехову. Тот был человек умный. Он не понял, почему Юлий так рвётся на сельхозработы, которые обычно у студентов большого энтузиазма не вызывают, но догадался, как с ним нужно обращаться. Скандала не получилось. В ответ на все свои вызывающие заявления типа: «Вы не имеете права», Юлий неожиданно услышал:

– Молодой человек, вас здесь никто не держит. Вас просто-напросто попросили помочь, но если уборка картофеля беспокоит вас больше, чем оснащенность кафедры необходимыми пособиями по тактике и военному переводу, поступайте как знаете.

– Хорошо, – согласился Юлий. – Дайте мне хоть половину этих таблиц домой – я их вам не за месяц сделаю, а за неделю!

– Не положено, – сказал Терехов с сожалением. – Я, конечно, не думаю, что вы понесёте их на базар и будете продавать агентам иностранных разведок, но – не положено.

За весь сентябрь Юлий вырвался к Маше только один раз, буквально на несколько часов. И с первых же минут долгожданной встречи вдруг почувствовал, что за это время произошло что-то очень серьёзное, может быть – даже непоправимое.

Так потом и оказалось.

На первый взгляд, конечно, случившееся казалось не очень значительным, и даже наоборот – скорее, походило на анекдот.

В субботу тётя Нюра, в доме которой проживала половина Машиной группы, истопила баню. А хозяйка дома, где поселился их руководитель, преподаватель военного перевода Олег Владимирович Сладковский, уехала к дочери в город и баню, соответственно, не топила.

Сладковский договорился с тетей Нюрой насчёт того, чтобы помыться. И вечером пришёл.

Дома была одна хозяйка – девицы, уже помытые, усвистали в клуб на танцы, а Маша – в библиотеку: на пляски её без Юлия не тянуло.

Тётя Нюра проводила Сладковского до бани, подробно рассказала, где там что находится, и в лучших традициях местного гостеприимства побежала к соседке за «поллитрой».

Тем временем Маша, вернувшись с ни разу никем не читанной антологией английской поэзии XIX века, села к окошку и, созерцая сохнувшее во дворе белье, вдруг вспомнила, что оставила в бане мыло, шампунь, мочалку и полотенце.

На этом месте все, кто когда-либо слышал сию занимательную историю, уже начинали смеяться, Юлий в том числе.

Тут для полного эффекта необходимо сказать несколько слов о подполковнике Сладковском.

В свои сорок с лишним лет Олег Владимирович выглядел примерно на тридцать. Причём, выглядел так, что на занятиях, особенно первое время, начисто выбивал всех без исключения студенток своих групп из рабочего состояния.

Отличницы от волнения переводили ему, к примеру, вместо «танковая атака противника» – «вооружённое нападение врага». «Супостата! – глумился Сладковский и интересовался сквозь зубы: – А что, по-вашему, нападение противника может быть невооружённым?!»

Отличницы краснели, бледнели и переводили вместо «ствол с нарезками» – «искривлённый ствол». «Искривлённый? – переспрашивал Сладковский с непередаваемым выражением. – Это чтобы из-за угла стрелять, что ли?!»

Не отличницы вообще помалкивали. Если сначала Олег Владимирович пытался их как-то понукать, то потом махнул рукой и обращался к ним лишь с отдельными замечаниями типа «Не на меня надо смотреть, а на таблицу!»

Красавцем его никто бы не назвал, но в нём было что-то сильнее и привлекательнее красоты. Его сутулая спина, впалые щёки, блёкло-светло-серые глаза и почти такого же цвета волосы в сочетании с обычным холодно-высокомерным выражением лица были весьма далеки от голливудских стандартов, но вместе с тем производили впечатление, которое трудно передать даже словом «неотразим».

«Есть существа с таким надменным взглядом, что солнце созерцают напрямик», – это подметил ещё Бог знает в каком веке (в шестнадцатом, наверно) великий итальянский поэт Ф. Петрарка. Подполковник Сладковский являл собой наглядное подтверждение этому мнению: да, действительно, есть такие существа. Причём надменным у него был не только взгляд. Голос, походка, манеры – он был высокомерен насковзь.

К грузовику с очередным ведром картошки он подходил с таким видом, будто это был «Мерседес» последней модели, ожидающий его после званого обеда в самом что ни на есть высшем свете.

Студентов удивляло, что он вообще появляется в поле: им раньше доводилось иметь дело с руководителями, которые с утра прямо из столовой отправлялись за грибочками в лес или в поход по окрестным магазинам, в обед с подробностями хвалились дефицитной добычей, а затем, утомившись, заваливались спать до ужина.

Понятно, что студенты при таком руководстве в поле тоже не слишком усердствовали. По крайней мере, среди них была очень популярна песенка из мультфильма о Винни-Пухе, слегка переиначенная в соответствии с местными условиями: «Вот мешок пустой! Он предмет простой! Он никуда не денется! И потому мешок пустой, и потому мешок пустой гораздо больше ценится!»

Сладковский, в отличие от своих предшественников, по торговым точкам не шнырял, работал вместе со всеми. Разве что слишком часто отряхивался с брезгливым видом: то со штормовки нервным движением смахнёт что-то невидимое, то с джинсов, то даже с сапог.

Обходиться в деревне без привычного ежедневного душа было для него сущей пыткой, поэтому, дорвавшись до бани, он забыл обо всём на свете.

Неожиданный скрип двери дошёл до его сознания не сразу, а немного погодя.

Разлетевшаяся за своими вещичками Маша в ужасе замерла у порога.

Теоретически, интеллигентная скромная девушка из хорошей семьи в такой ситуации должна была бы ахнуть, или там ойкнуть, покраснеть и незамедлительно выскочить за дверь. Маша и собиралась это сделать. Но не тут-то было.

Ноги её будто приросли к мокрому скользкому полу. Она замерла и в буквальном смысле не могла сдвинуться с места.

На нервной почве, конечно.

Сладковский стоял к двери спиной. А на спине у него красовались два здоровых шрама непонятного происхождения, совсем рядом с позвоночником – с острыми выступающими позвонками...

Оглянувшись, Сладковский тоже заметно обалдел. Однако быстро пришёл в себя и процедил сквозь зубы, но довольно-таки экспрессивно:

– У вас что-нибудь срочное?!

– Ой! – пискнула, наконец, Маша и пулей вылетела в помещение, именуемое «предбанник».

Там она без сил опустилась на лавку, где стояли вёдра с холодной водой.

Тут необходимо сделать ещё одно пояснение. Дело в том, что Олег Владимирович Сладковский обладал феноменальной способностью доводить людей до состояния транса и в обычном, то есть одетом виде.

В этом плане показателен такой факт: некая Лада, пятикурсница с французского факультета, никогда прежде со Сладковским дела не имевшая, поспорила «на желание» с Бобом Веденевым, у которого тот вёл военный перевод, что во время занятия постучит к ним и попросит Олега Владимировича вызвать ей Боба. Веденев и все его дружки-переводчики от души ржали, представляя себе реакцию Сладковского на такое неслыханное нахальство. Лада отнеслась к делу со всей ответственностью и разработала план действий:

– Я постучу и скажу: вызовите мне, пожалуйста, старосту. Как будто я по делу... Ну как он может отреагировать? Не убьёт же?..

– Увидишь, – обещали ей переводчики.

Лада кокетливо улыбалась:

– А хотите, я у него спрошу, какие ему больше нравятся тени для глаз? А что, возьму и скажу: «Мне, пожалуйста, позовите старосту. А кстати, какие вам больше нравятся тени – голубые или зеленые?» Хотите?!

– Хотим! – от души веселились переводчики и на все лады смаковали возможные варианты ответов Сладковского, из которых самым обходительным был «На вас – никакие!»

Правда, в последний момент они Ладу пожалели и попытались от рискованной затеи отговорить. Но она о Сладковском имела представление весьма поверхностное, поэтому от своих героических намерений не отказалась. В назначенный час Лада подошла к нужной аудитории и постучала. Сладковский вышел. Что самое интересное, Боба он ей вызвал. По свиде-

тельству Веденеева, Лада в коридоре выглядела вполне нормально, только как-то странно всё время улыбалась. Она честно призналась, что про тени у неё почему-то язык не повернулся спросить, порадовалась тому, что выиграла, и пошла домой – в общежитие, где её с нетерпением ожидали многочисленные свидетели их легендарного спора.

И всё вроде было хорошо, но не успела Лада отойти от института и двадцати метров, как ноги у неё подкосились, и она долго приходила в себя, прислонясь к бочке с квасом.

Объяснить потом своё состояние Лада никак не могла. По её мнению, это было что-то невообразимое. Конечно, стоять посреди людной улицы с идиотским видом, прислонясь к бочке с квасом, – положение не из приятных. Свои чувства по этому поводу Лада выразила, потребовав от проигравшего Боба съехать в жестяном тазике со всех шестнадцати пролётов общежитской лестницы.

На небывалый шум и грохот, помимо студентов, сбежался весь персонал во главе с комендантшей, которая битый час после того, как Боб благополучно завершил маршрут, давала в нижнем холле громогласные обещания дойти до ректора и «всех этих хулиганов с треском выселить».

Короче говоря, состояние Маши, пытавшейся после встречи со Сладковским хотя бы немного очухаться в предбаннике, легко себе представить.

Но то был ещё не конец.

Через пару минут дверь отворилась, и Сладковский попытался выйти, чтобы взять ведро с холодной водой. Естественно, всё в том же виде.

Когда Маша рассказывала эту историю Юлию, они оба умирали со смеху. Однако в тот момент ей было не до веселья. Дверь резко захлопнулась и тут же снова приоткрылась.

– Вам что, больше посидеть негде?.. – высунув голову, выразительно поинтересовался Сладковский.

– Из-з-звините, – пролепетала Маша. – Сейчас, минутку... – Она догадалась зачерпнуть ковшиком холодной воды из ведра и сделать несколько судорожных глотков.

Это придало ей сил. Она благополучно дошла до дома, села опять к окошку и попыталась отвлечься английской поэзией XIX века. Возможно, это ей рано или поздно удалось бы, но вскоре в дом зашёл, чтобы поблагодарить хозяйку, вымытый Сладковский.

В этом месте своего рассказа Маша почему-то всегда сбивалась, путалась и сразу переходила к описанию застольной беседы Сладковского с тётей Нюрой.

После первой рюмки хозяйка приветливо ему сообщила:

– Меня Нюра звать.

– А меня Олег, – несколько обалдело ответил Сладковский.

Тётя Нюра заботливо придвинула к гостю по очереди все миски с закусками и добавила доверительно:

– Я ведь чувашка...

– Это ничего, – утешил её Сладковский, с третьей попытки цепляя вилкой маринованный грибок.

– Хомяков Витька, сосед мой, на уток завтра собирается. Сходил бы с ним, а то, чай, скучно тебе тут, – посочувствовала ему хозяйка.

– Когда скучать-то: с восьми до шести пашем без выходных, – процедил сквозь зубы Сладковский.

– Ты нешто и на тракторе могёшь? – не совсем правильно поняла его тётя Нюра. – Чай, без тебя вспашут, управятся... Сходи с Витькой-то, у него и ружьишко для тебя найдется...

– Спасибо, но я охоту не люблю, – отказался Сладковский.

– Ишь ты! – тётя Нюра недоверчиво покачала головой. – А девки сказывали, будто ты военный...

Тут Маша поперхнулась чаем и, не в силах больше сдерживаться, выскочила из комнаты, в темноте обрушила что-то в сенях и только на крыльце дала волю душившему её хохоту. Таким образом, продолжения этой в высшей степени занимательной беседы она, к сожалению, не слышала. Тётя Нюра, правда, поделилась потом общими впечатлениями:

– Хороший мужик старшой ваш, понятливый... Только пьёт мало, никакого уговору не слушает. Должно, здоровьем слаб.

Тогда Юлий всю эту историю воспринял просто как забавный случай. Правда, ему почему-то всё время хотелось спросить Машу, скоро ли вернулась от соседей хозяйка с бутылкой и о чём они со Сладковским разговаривали, пока ждали её, но днём всё как-то не было подходящего момента, а вечером он уехал.

Встретились они только через две недели, в институте. Маша куда-то очень спешила, и они едва перебросились парой фраз. После занятий Юлий сразу же прискакал к ней на седьмой этаж. Галка, её соседка по комнате, глядя мимо него в дверь, сказала с запинкой:

– А Маша теперь... ну... живёт не здесь.

5

После памятного вечера в кафе Рожнов не показывался в 814-й три дня, что, разумеется, не осталось в компании незамеченным.

– Стаська, кто из вас кого бросил? – без лишних предисловий спросил Лепилов.

Стасенька сначала даже не поняла, вытаращила зелёные глазищи:

– Чего? Я же говорю – мы только в воскресенье познакомились, а ты говоришь – кто кого бросил! Когда бы мы успели? Между прочим, его зовут Юлий! Почти как Цезаря!

– Как зовут? – переспросила вдруг Лора, которая обычно не проявляла ни малейшего интереса к многочисленным поклонникам подруги.

– Юлий, – с гордостью повторила Стасенька. – Я разве тебе не говорила? Я же с понедельника только о нём и твержу!

– У тебя, Стаська, новый мальчик? – заинтересовался Лепилов. – А я и не слышал! Ну-ка, ну-ка, расскажи! Неужто красивее Вадьки где откопала?

– Красивее?.. – Стасенька призадумалась. – Да нет... я не знаю. Он просто совсем другой. Во-первых, он обалденно поёт, а во-вторых, он такой... такой...

– Какой? – мрачно осведомился Рожнов, входя без стука.

Все радостно засмеялись, а Стасенька тут же ему заявила деловым тоном:

– Я тебя, Вадик, больше не люблю! Я теперь другого мальчика люблю!

– Серьёзно, что ли? – недоверчиво сощурился на неё Рожнов.

– Такими вещами, Дымочек, не шутят! – сообщила ему Стасенька с некоторой даже торжественностью.

– Ну, убила! – Рожнов схватился за сердце и картинно повалился на «лежбище» – две сдвинутые кровати.

При этом он то ли от большого расстройства, то ли преднамеренно попал своей кудлатой головой прямо Лоре на колени.

– Что, места мало? – недовольно спросила она, отодвигаясь.

Сохранив трагическое выражение лица, Рожнов сел – сначала нормально, потом, расшнуровав и сбросив кроссовки, по-турецки.

– Он мне свидание назначил, – поделилась с ним своей радостью сияющая Стасенька. – В эту пятницу днём.

– Днём? – усмехнулся Рожнов.

– А что? – заржал Лепилов. – Можно и днём, без разницы! А правду про тебя, Вадька, говорили, что ты на втором курсе к какой-то девице аж в большую перемену за этим делом в общагу прибегал?

– Не на втором, а на первом, – уточнил Рожнов.

– Это к какой ещё девице? – моментально оскорбилась Стасенька.

Рожнов как бы удивился:

– А что? Интересно?

– Нисколько! – она фыркнула, демонстративно взяла чайник и отправилась на кухню.

Рожнов выскочил вслед за ней:

– Подожди...

– Ну, жду!

– Дело в том, что я хотел тебе предложить другое мероприятие. Как раз в эту пятницу и как раз днём.

– И какое же? – новая любовь Стасенькиного любопытства не убавила.

– Кульптоход... – интригуяще тянул Рожнов.

– В Музей революции? – приколотась Стасенька.

– Нет, в ЗАГС, – вздохнув, сообщил Вадим.

Этого Стасенька не ожидала.

Она стояла с чайником в руке и молчала.

Этим своим заявлением он её как-то сбил с толку. Всё уже вроде было ясно, и вдруг – такое.

Стасенька прекрасно знала, как относится к женитьбе подавляющее большинство привлекательных, обеспеченных и перспективных мальчиков. Рожнов в этом плане исключения не составлял. Она слышала, что одна из его девочек, некая Инга, пыталась даже завести от Вадима ребёнка, чтобы подвигнуть любимого на культпоход, который он теперь предлагал Стасеньке с такой завораживающей лёгкостью.

Холодные серые глаза, коричневые ресницы, брови чуть темнее, а волосы – светлее... Голос, кидающий в дрожь пронзительной нежностью со сцены и не очень тщательно прикрытым цинизмом за сценой...

Вопрос перед Стасенькой стоял не из лёгких. Можно ли читать вслух книжки с Юлием, будучи при этом невестой, а затем женой Рожнова?

– Смею надеяться, мадемуазель, ваша глубокая задумчивость даёт мне некоторые шансы? – напомнил о своем присутствии уставший ждать Вадим.

Он схватил её в охапку и прямо посреди коридора начал целовать с завидным темпераментом.

– Чайником его по морде, – радостно подсказал Стасеньке кто-то из проходивших мимо соседей.

– Болван, у нас взаимное возвышенное чувство! – усмехнулся Вадим, на минутку оторвавшись от своего основного занятия.

– Ну, мы так и поняли, – лениво сообщили из-за закрывающейся двери.

– А я ещё ничего не понял, – Рожнов взглянул на Стасеньку чуть ли не с волнением. – Ты... согласилась или нет?

– Конечно, да! – не вполне уверенно ответила она, потом ещё немножко подумала, поставила чайник на пол и заключила Вадима в страстные объятия.

Каких бы то ни было трудностей в жизни Стасеньки встречалось, прямо сказать, не очень много, но она в совершенстве владела счастливым умением с лёгкостью и быстротой находить выход из любой затруднительной ситуации.

В этот раз Стасенька тоже не слишком долго думала, а непосредственно после ухода Рожнова спустилась к телефону и, набрав заветный номер, в один момент переиграла назначенную встречу с Юлием с пятницы на четверг.

– Изменились планы? – хмыкнул он в трубку.

– Понимаешь, мы, оказывается, в пятницу с Рожновым в ЗАГС идем, – тоном лёгкого сожаления поведала Стасенька и добавила для большего эффекта, что она об этом как-то совсем забыла, а теперь вот чисто случайно вспомнила.

Эффекта, впрочем, большого не получилось.

– В ЗАГС? – переспросил Юлий с чуть заметной усмешкой. – Ну что ж, дело хорошее! Поздравляю!

У Стасеньки от его голоса опять началось легкое головокружение. Боясь, как бы не стало хуже, она поспешно проворковала:

– Так, значит, до завтра? – и трубочку повесила.

Теперь нужно было хотя бы чуть-чуть «подковаться» в теории, чтобы не ударить в грязь лицом перед Юлием, который мог иметь, в отличие от неё, какие-никакие познания в области литературы.

Вернувшись в комнату, Стасенька первым делом посмотрела название Лориной книги. «Мария Стюарт». Это ей ровным счётом ни о чём не говорило.

– Не про любовь? – осведомилась Стасенька деловым тоном.

Лора вздохнула.

– Ну, Стаська! Как можно прожить двадцать один год и не знать таких вещей?!

– Каких – таких?

– Элементарных. Ты что – совсем не знаешь, кто такая Мария Стюарт?

– А почему я её должна знать? – ещё больше удивилась Стасенька. – И кто, вообще, сказал, что чем больше читаешь, тем лучше? Я вот, например, предпочитаю познавать жизнь непосредственно, а не через книги!

Лора пожала плечами.

– По-моему, одно другому не мешает.

– А по-моему, мешает! – убеждённо возразила Стасенька. – Мне, например, читать некогда, потому что я общаюсь с людьми! А ты – нет! Тебя Вайнберг который раз уже зовёт в выходные на турбазу, а ты – ноль эмоций.

– Ну а если мне интереснее общаться с Цвейгом, чем с Вайнбергом?

– С Цвейгом? – заинтересованно переспросила Стасенька. – А что ты мне раньше про него никогда не говорила? Где вы познакомились?

Выяснив, что Цвейг вовсе не новый Лорин мальчик, а всего-навсего выдающийся австрийский писатель, Стасенька сначала разочаровалась, а потом вспомнила, что нужно готовиться к завтрашней встрече с Юлием. Она вздохнула и спросила:

– И про что он пишет? Про любовь-то тут что-нибудь есть?

Лора перелистнула несколько страниц и прочитала вслух:

– «Любовь Марии Стюарт к Босуэлу – одна из самых памятных в мировой истории, даже грандиозные страсти пресловутых античных любовников едва ли превосходят её в силе и неистовстве».

– Здорово! – восхитилась Стасенька. – А что за Босуэл?

– «...хищник и насильник самого худшего разбора, закованный в латы циник, Босуэл всё же выгодно отличается от окружения прямоотой характера... Весь путь этого искателя приключений усеян любовными историями, по-видимому, не стоившими ему большого труда, при французском дворе о его победах рассказывали легенды».

Глаза у Стасеньки загорелись.

– Роскошный мужик! Надо будет почитать потом про него.

Уходя к Сэнди списывать военку, она тонко намекнула Лоре, что было бы с её стороны очень мило подчеркнуть карандашиком в книге несколько самых интересных мест, пригодных для чтения вслух с любимым человеком. Лора фыркнула, но, поскольку особого труда это для неё не составляло, отметила пять-шесть отрывков.

Перед сном Стасенька упростила её кратенько рассказать содержание всей книжки. Ночью ей приснился Босуэл в самой красивой, по мнению Лоры, сцене романа. Королева раздумывает, принять ли неравный бой или отказаться от Босуэла навсегда при условии, что его не будут преследовать. Он её к тому времени уже разлюбил и, конечно, всей душой жаждет избавиться сразу и от неё, и от смертельной схватки. Босуэл знает: стоит ему вымолвить одно лишь слово, и она примет спасительное для него решение. Но он молчит. «Изумительный актёр!» – иронизирует по этому поводу автор романа.

– Лично я актёрства тут не вижу, – описывая эту сцену, заметила Лора. – Такое поведение в характере Босуэла и совершенно для него естественно. Похоже, Цвейг вообще немного ревнует его к Марии...

...Она сидит на камне и думает. А Босуэл стоит поодаль. Говорят, ни одного его портрета не сохранилось? У него холодные серые глаза с коричневыми ресницами, брови чуть темнее, а волосы – светлее. Взгляд уверенный и спокойный.

Стасенька поднимается с камня и произносит чуть слышно:

– Я согласна.

Только тогда он подходит к ней. Обнимает и шепчет:

– Мария...

– Я не Мария, я Стасенька! – поправляет она.

– Жалко, – говорит он.

Вскакивает в седло и уносится прочь.

6

– Проходи, располагайся. Я пойду кофе сварю, – Юлий повесил её шубу на вешалку, кивнул на распахнутую дверь в комнату.

Всего таких дверей было по коридору штук шесть – типичная коммуналка. Стасенька переступила порог и с интересом огляделась. Комната была небольшая, но казалась довольно просторной из-за того, что мебель почти отсутствовала: журнальный столик, шкаф, диван и два стула. На стене висел большой портрет какого-то длинноволосого типа с микрофоном в руке, на подоконнике тикал белый будильник.

Юлий принес кофе. Вместо того чтобы благовоспитанно сесть на стул, устроился рядом с ней на диване. Стасенька мгновенно ощутила легкий озноб. От его внимания это не укрылось. Он стащил со спинки стула чёрный свитер и со словами:

– Вроде не холодно? – набросил его ей на плечи, небрежно завязав рукава на горле.

– Спасибо, – пискнула Стасенька.

Кофе был горячий и ароматный, но она глотала его, не ощущая вкуса.

– Ну, чем займёмся? – спросил, наконец, Юлий.

Стасенька, как по команде, потянулась к сумочке, вытащила «Марию Стюарт» и открыла на первой отмеченной странице.

– Ты что? – изумился Юлий. – Читать, что ли, собралась?!

– «В прожитой жизни идут в счёт лишь напряжённые, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддаётся она верному описанию», – деревянным голосом произнесла Стасенька.

– Это что у тебя – «Мария Стюарт»? – хмыкнул Юлий.

– Да, а откуда ты знаешь? – в свою очередь, удивилась Стасенька. Название книги он видеть не мог.

Юлий пожал плечами:

– Читал...

– Тебе понравилось?

– Местами.

– Например?..

– Ну, например, интересно у неё всё с Босуэлом этим началось... И кончилось тоже, – добавил он, усмехнувшись.

Стасенька быстро сообразила: чувство к Босуэлу у королевы вспыхнуло, когда он её, можно сказать, изнасиловал. Любопытно, что именно интересного Юлий в этом находит: сам факт или то, что с такого вдруг началась любовь?

Спросить прямо было неудобно, поэтому Стасенька решила зайти издалека:

– А Босуэл вообще тебе понравился?

– Естественно.

– Но ведь он же был циником и насильником!

Юлий хмыкнул.

– С кем поведёшься...

– А я не понимаю, как можно любить циников и насильников, – сообщила ему Стасенька с обворожительной улыбкой.

– Да, теоретически это труднее, – согласился Юлий. – Лучше всего, очевидно, практически...

– Да?.. – на всякий случай усомнилась Стасенька. – А что, в твоей практике...

– Нет, – сказал Юлий. – В моей практике такого не было... Все девицы, с которыми до этого доходило, кидались на меня первыми.

Стасенька слегка обалдела от столь откровенного заявления, но быстро опомнилась:
– А с приличными девочками тебе совсем не приходилось иметь дел?

Юлий усмехнулся:

– Ну, поначалу-то они все как бы приличные... – он вытащил из кармана пачку «Опала». – Куришь?

– Вообще – нет, но давай, – Стасенька взяла сигарету, он щёлкнул зажигалкой.

– Так вот, о Босуэле, – сказал Юлий, затянувшись. – Не знаю, что там у них вышло в первый раз на самом деле, только уверен, что у него были на то какие-то основания. Ни с того ни с сего он бы с ней связываться не стал. А Цвейг рад стараться, сразу – «наильник». Он, кстати, вообще к нему необъективно относится... то ли ревнует, то ли завидует.

Стасенька удивилась совпадению его мыслей с Лориными.

Юлий ещё что-то говорил о Босуэле, о Марии, о каком-то Шателюре... Стасенька слушала и думала, что с кем попало он своими мыслями делиться не стал бы. У неё потеплело на душе и захотелось сделать что-нибудь выдающееся: например, прочитать, в конце концов, эту книгу...

– А странно всё-таки, – сказал Юлий, стряхивая пепел в кофейное блюдце. – Столетия прошли, а мы до сих пор кости им, бедным, перемываем...

– Почему – «бедным»? – не поняла Стасенька. – Это же хорошо, что мы о них помним.

– Ну, им-то, положим, на это плевать... Я хочу сказать, что мы по-любому никогда уже не узнаем, как у них всё было на самом деле. Что они думали, что чувствовали... – он помолчал. – От них ещё что-то осталось: письма, документы... А представляешь, сколько людей кануло, совсем ничего не оставив после себя? Так же жили, трепыхались, на что-то надеялись – но об этом никто и никогда ничего не узнает...

Стасенька подумала, что бы такое умное ответить, и сказала:

– Это несправедливо.

– А жизнь вообще несправедлива, – мрачно заметил Юлий. – В ней всегда были, есть и будут напрасные жертвы, преуспевающие подлецы и бездомные собаки. Я не говорю уже о простых стечениях обстоятельств – когда никто не виноват, а жизнь сломана...

Стасенька неуверенно пробормотала что-то насчёт прогресса. Юлий скептически хмыкнул:

– Ты думаешь, мы сейчас лучше, чем были две тысячи лет назад? Мне кажется, и тогда, и сейчас было примерно одинаковое соотношение хороших людей и всякой дряни. Тем более, оба этих определения весьма относительны.

– По-твоему, и дальше так будет? – спросила Стасенька.

Он усмехнулся:

– Хотелось бы ошибиться...

Стасенька отодвинула книгу и подумала, что умные разговоры – это, конечно, хорошо, но можно бы для разнообразия заняться чем-нибудь повеселее. Взглянув на неё, к тому же выводу пришёл и Юлий. Он погасил сигарету, подошёл к стоящему на полу музыкальному центру, ткнул в клавишу.

– Потанцуем?

Музыка была какая-то странная – Стасенька, пожалуй, предпочла бы что-нибудь менее претенциозное.

– Это кто? – спросила она Юлия.

– «Лед зеппелин». Не нравится?

– Очень нравится... – почему-то сказала она. – У тебя свечка есть?

– Валялась где-то, а что?

– Я не люблю танцевать при верхнем свете...

Юлий ушёл на кухню, довольно долго гремел там, то и дело что-то роняя, но вернулся с добычей – красивой, витой розовой свечкой в чайном стакане.

Если бы Стасеньке пришло в голову вести счёт мальчикам, с которыми ей случалось танцевать, Юлий оказался бы, вероятно, где-нибудь в седьмом или восьмом десятке. Но такого ей испытывать до сих пор не доводилось. Хотелось... взлететь! Или, наоборот, упасть куда-нибудь в бездну – всё равно, лишь бы вот так, вместе с ним... Его волосы касались её щеки. От них пахло табаком и почему-то свежей травой. У Рожнова волосы пахли обычно дорогим одеколоном – Стасеньке тоже нравилось, но сердце у неё от этого, как сейчас, не замирало.

Атлетическая фигура Рожнова вызывала у неё чувство законной гордости, сложение же Юлия отличалось, пожалуй, излишней хрупкостью, что было, если честно, совсем не в её вкусе. Но сейчас, когда её рука лежала на этом не слишком широком и почти худом плече, Стасенька специально попробовала мысленно сосредоточиться на великолепной мускулатуре и прочих достоинствах Вадима, но ничего не получилось. Рожнов был почему-то очень далеко, гораздо дальше, чем на самом деле, – где-то аж за тридевять земель.

– Извини, я взгляну, сколько там времени, – Юлий осторожно отстранился и нажал на кнопку подсветки часов.

Взглянул и присвистнул.

– Во сколько тебе надо идти? – спросила Стасенька с беспокойством.

Он вздохнул.

– На двадцать пять минут уже опаздываю...

– Да ты что? – испугалась она. – Так собирайся, беги скорей...

– Ерунда, – отмахнулся Юлий.

Он поставил новый диск и снова подошёл к Стасеньке.

– Юлий, – прошептала она. – У тебя же будут неприятности...

– Не привыкать.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Стасеньке захотелось зажмуриться и кинуться ему на шею. Неизвестно, чего захотелось Юлию, но он неожиданно сообщил:

– А знаешь, у меня вообще-то и Марина одна была...

– Да? – Стасенька почувствовала, что вконец теряет голову.

– Да. Но она откликалась на Машу.

– Я... согласна, – сказала Стасенька звенящим голосом.

– На что? – как бы удивился он.

– Мне кажется, на всё, – прошептала она.

Стасенька не понимала, что происходит. Он ведь над ней явно издевается. Смотрит в раздумье: достойна ли она того, чтобы откликаться на имя его бывшей подружки. До неё только сейчас дошло, до чего он её довёл: никто в жизни так не унижал Стасеньку... но то, что она чувствует, на возмущение похоже меньше всего.

Он шагнул к ней, и в голове у неё зазвенело. Потом, правда, оказалось, что это телефон.

– Так, – вздохнул Юлий. – Это по мою душу...

Он вышел в коридор и взял трубку. Вернувшись, закрыл за собой дверь, подошёл к Стасеньке и потянулся к её губам. Минут через пять она опомнилась:

– Юлий, тебе же надо ехать, быстро собирайся!

– Поедешь со мной?

Стасенька быстро раскинула мозгами. У Рожнова в том кафе имелись знакомые официанты, поэтому появляться там с Юлием перед культпоходом в ЗАГС не стоило.

– Нет, не хочется. Я поеду домой.

– Ещё чего! – он взял у неё шубу и снова повесил на вешалку. – Посиди тогда здесь, музыку послушай. Я постараюсь побыстрее...

Стасенька ошарашенно поглядела ему вслед и вернулась в комнату.

7

Закончив конспектировать статьи для курсовой, Лора снова подошла к алфавитному каталогу. Примерно через полчаса она с каким-то сладким трепетом взяла в руки книгу, которую мечтала прочесть с детства – с тех пор, как впервые увидела «Последнюю реликвию».

Впоследствии Лора смотрела этот фильм много раз и всегда удивлялась, что при всей своей откровенной развлекательности он волнует её почти так же, как в детстве.

Прекрасные песни в исполнении Георга Отса могли это объяснить лишь отчасти. Что-то было в этом фильме ещё.

Романтика, без которой в определённом возрасте трудно обходиться практически всем, а натурам, более остро ощущающим мир, особенно? Да, фильм был романтический – но не только. Его жутко положительный герой, неустанно демонстрирующий своё благородство, отвагу и прочие высокие достоинства, был, несмотря на всё это, живой. С ног до головы прекрасная героиня умела не только эффектно выглядеть на фоне горящего костра, украсив роскошные золотые волосы веточкой рябины, но и смеяться, и кокетничать.

А та потрясающе красивая сцена в харчевне, где они едят какую-то дичь! Когда Агнес не сразу берёт вертел, Габриэль держит его перед ней на весу одной рукой... и они так друг на друга при этом смотрят...

Лора забыла обо всём на свете, бережно перелистывая страницы книги. Разумеется, многое там было не так, как в фильме, и впечатление оставалось не то, но она почему-то всё равно испытывала чувство глубокой благодарности и к Эдуарду Борнхёэ, и к его роману, и даже к самому этому старинному зданию, хранящему несметные сокровища крупнейшей в области библиотеки.

Она не дочитала книгу и спустилась по широкой лестнице к выходу с ощущением праздника, который на сегодня закончился, но снова ждет её завтра.

На троллейбусной остановке на Лору несколько минут поглядывал высокий молодой бородач с весёлыми чёрными глазами. Потом он подошёл и улыбнулся:

– Здравствуйте. Вы меня не помните?

Лора была убеждена, что всех мужиков, которые пытаются познакомиться на улице, необходимо сразу же отшивать, особенно красивых, а этот был действительно очень хорош: высокий рост, горячие смеющиеся глаза, в лице – что-то непонятно волнующее...

– Нет, не припоминаю, – сказала она холодно и демонстративно отвернулась.

– Извините, – слегка обескураженно пробормотал бородач и отошёл.

В троллейбусе народу было немного, они оба стояли на задней площадке, и Лора видела, что он время от времени незаметно косится в её сторону. Перед светофором троллейбус вдруг резко затормозил, и её шарахнуло прямёхонько в объятия бородача. Уткнувшись носом в его шарф – длинный, пёстро-голубой, ручной вязки, – Лора наконец вспомнила, где его видела. Отцепившись, она пробормотала: «Извините» – и прошла вперёд.

Они встретились прошлой осенью, в полутёмном вагоне проходного казанского поезда. Университетский стройотряд загрузился в их вагон поздно вечером, где-то в двенадцатом часу. Лора уже дремала, свернувшись в клубок на жёсткой полке, – им не дали ни матрасов, ни одеял, вообще ничего, – но от приглушённого гомона открыла глаза. Девицы из её группы тоже проснулись и с интересом наблюдали в основном за молодым руководителем стройотряда – насколько он красив, они отлично сумели разглядеть и при убогом ночном освещении.

Он прошёл мимо них, едва не задевая головой потолок, туда и обратно несколько раз – места у его студентов были в разных концах вагона. Когда все устроились, оказалось, что самому ему осталась верхняя боковая полка как раз напротив Лоры. Он вытащил из рюкзака плед и, заметив, что девицы не спят, тут же протянул его им:

– Может, холодно кому? Берите!

Те упрасивать себя не заставили и плед зацапали в пользу простуженной Наташки Никитиной, которую с её хроническим бронхитом вообще неизвестно зачем понесла нелёгкая в деревню.

– Мы же не ваши, – прошептала Наташка, не в силах постичь такого неслыханного бескорыстия.

– Я тоже не ваш, – отозвался он весело и, легко заскочив на полку, попробовал на ней улечься.

При его росте это было не так-то просто. Поворочавшись, он снова обратился к ним громким шёпотом:

– Девчонки, давайте полками поменяемся с кем-нибудь, а? Вам всё равно, а у меня ноги не убираются...

Девицы радостно похихикали, но меняться не пожелали.

Лора со всей душой уступила бы ему своё место, но ведь для этого пришлось бы сначала спуститься вниз, а потом ещё и наверх снова залезать. В принципе сей акробатический номер у неё иногда получался, а иногда – не совсем. В последний раз, например, так вышло, что она на свою полку заползала чуть ли не по-пластунски. Мысль о перспективах повторить этот трюк на его глазах тут же отбросила все её сомнения.

Так он и заснул, бедный, согнувшись в три погибели. Сразу же после этого явилась проводница, пышная блондинка с ярко накрашенными губами, и стала требовать у стройотрядовцев билеты. Остановившись у его полки, она недоверчиво спросила у двоих студентов, которые её привели:

– Этот, что ли, ваш руководитель? Что-то больно молод! А красивый какой, даже будить жалко. Но надо. Эй, мальчик! Вставай, мой сладкий! Деточка!

Обалдевшие студенты поспешно воззвали:

– Александр Артемьевич, вставайте скорей!

Он поднял голову, улыбнулся со сна:

– Что? Билеты? Да, вот, пожалуйста...

С билетами было всё в порядке, проводница ушла, а он соскочил вниз и, вытащив из кармана пачку сигарет, направился к тамбуру. Раймонда с Аськой Шитовой переглянулись, тут же встали, тоже нашли сигареты и отправились за ним следом.

За то время, что они отсутствовали, можно было выкурить по две пачки минимум.

Где-то уже часа в три Лора опять проснулась. Он лежал изогнувшись, ноги в голубых с пестринкой носках домашней вязки свешивались по диагонали в проход. Волнистые тёмные волосы эффектнее выглядели бы, конечно, на белоснежной подушке, но на фоне рюкзака тоже смотрелись неплохо. Ресницы отбрасывали на впалую щёку длинные тени, в лице было, как это ни странно, что-то... возвышенное?... Лора вздохнула и, поворочавшись немного, заснула снова.

С утра она взялась за очередную книжку, а девицы – Аська, Раймонда и Наташка Никитина – сели внизу играть с Александром Артемьевичем и ещё одним преподавателем, которого он привёл из другого вагона, в «веришь – не веришь». Их хохот утихал лишь на очень короткое время. Что бы он ни сказал, всем почему-то его реплики казались крайне остроумными, хотя нёс он всё, что в голову взбредёт:

– Вить, ты рюкзак-то свой нашёл? У него вчера рюкзак студенты несли, он его потом искал-искал...

Взрыв хохота. Вступает Витя:

– Сам я всё нёс! Где вот только мой пакет?

– Пакет-то ладно, ты сначала рюкзак найди!

Радостный смех.

– А как он сапог вчера потерял... «Граждане, у вас нет тут лишнего сапога?» Граждане тут же разносят по всему вагону студентам: «Ваш руководитель сапог потерял!» Студенты извиняющимся тоном объясняют: «Он у нас доцент!» Всем вагоном искали: «Вот, есть, у нас есть сапог!» – «Да что вы, это мой!» – «А вы знаете, который час? Он у вас без сапога ночь поспать никак не может?» «Нет, давайте найдём. Он не заснёт, он волноваться будет!»

Восторженный хохот на весь вагон.

После этого он поднял вдруг голову и сказал:

– Потише, мы девушке читать мешаем! Как её зовут? Лора? Лора, мы вам очень мешаем?

– Нет, не очень, – холодно сказала Лора, не отрываясь от книги.

– Да бросьте вы её, идите к нам!

– Спасибо, не хочется.

Потом выяснилось, что на вокзале Раймонда с Аськой напросились, чтобы он и Витя-доцент накормили их мороженым, и, кроме того, договорились, что встретятся в воскресенье в пять часов около цирка. Лоре и Наталье объявили персонально: «Они сказали, что ждут всех!» Лора фыркнула и ответила: «Не дождутся», Наталья засмеялась: «Разве с Аликом съездить?..» В воскресенье у Аськи с Раймондой наклюнулось ещё одно мероприятие, поехать в цирк они пытались уговорить Лору – разумеется, безуспешно. Так и заглохло это дело на корню.

Лора смотрела в окно троллейбуса на проносящиеся мимо здания, пестрящие разноцветными огнями реклам, и кусала губы. Ощущение праздника исчезло безвозвратно, настроение упало. Чего-то было жалко, что ли... но чего?..

Он вышел в центре – Лора не поняла, на какой остановке, да, собственно, разницы большой не было. Ей захотелось вдруг ещё раз увидеть эти удивительно горячие смеющиеся глаза. Она посмотрела за окно и неожиданно поймала его взгляд. Глаза не смеялись – смотрели устало и вроде бы с легким сожалением.

Она тут же отвернулась.

8

Стасенька скучала недолго – не прошло и часа, как в коридоре послышались быстрые шаги, и дверь распахнулась. В комнату вошёл как к себе домой незнакомый высокий бородач с чёрными лохматыми волосами.

– Привет, – весело поздоровался он и тут же, слегка смутившись, поправился: – Я хотел сказать «Добрый вечер». А Юлий где?

– Не знаю, – ответила Стасенька. – Вообще-то он уехал в свой кабак...

– Давно? Я туда звонил, мне сказали – он заболел. Что с ним такое?

Стасенька быстро подумала и не моргнув глазом выдала диагноз:

– Что-то типа ангины. Простудился где-то...

– Всё ясно, – бородач по-хозяйски уселся на диван и раскрыл портфель. – Было бы странно, если бы он не простудился. Полчаса, наверно, проторчал вчера раздетый на морозе, пока уговорил свою распрекрасную Мэри вернуться.

– Куда вернуться? – спросила наострившая уши Стасенька.

– В кабак, куда же ещё... – бородач вынул из портфеля банку варенья, градусник, пачку горчичников и целлофановый пакет с какой-то сушёной травой. – Закатила ему очередную сцену, выскочила, в чём была, – вроде как ловить такси. Я минут пять подождал, чувствую – это надолго. Вынес ему куртку, потом снова выхожу и вижу чуть ли не идилическую картину: она в его куртке, уже под машины не кидается, а, напротив, вдохновенно лепечет что-то про звёзды и тычет пальцем в небо. Он весь трясётся от холода, однако добросовестно пялится в указанном направлении... Ну, я озверел, впихнул их обоих обратно, но ему, видимо, уже хватило...

– Он что, её любит? – спросила Стасенька слегка недоумённо.

– Любил бы – было бы понятно, – хмыкнул бородач. – Впрочем, это его личное дело. Так зачем он туда пошёл-то, если болеет? Незаменимый?..

– Видимо, да! – засмеялась она.

– Меня Александр зовут, – помолчав, сообщил бородач.

Стасенька представилась.

– А он вам, простите, кто? – спросил Александр.

– Он – мне? Ну-у... знакомый!

– И давно вы знакомы?

– Не очень. А вы?

Бородач усмехнулся.

– Да года два уже, наверно...

Познакомились они так. Молодой, подающий надежды ассистент кафедры зарубежной литературы Александр Артемьевич Игнатъев, только что завалив кандидатский экзамен по английскому, сидел в парке на скамеечке, уставившись пустым взглядом себе под ноги. Мимо проходило много всякого народу, и из всех только Юлий остановился и спросил без долгих предисловий:

– У вас случилось что-нибудь?

– С чего вы взяли? – мрачно поинтересовался Александр, с усилием отрывая взгляд от своих ботинок и переводя его на величественные сапоги памятника Максиму Горькому. – Сижу, никого не трогаю...

– ...починяю примус, – с мечтательной улыбкой закончил Юлий.

После этого Александру стало уже понятно, что Юлий – «свой», но он всё-таки ещё спросил:

– А с чего тебе вздумалось вдруг к незнакомому человеку чуткость проявлять?

– А я без предрассудков, – сообщил ему Юлий. – Впрочем, можно познакомиться.

Они посидели ещё в парке, сходили в кино, погуляли по городу. Узнав о заваленном экзамене, Юлий хмыкнул:

– Мне бы твои заботы.

За какие-нибудь три дня он натаскал его так, что экзаменационная комиссия в полном составе выпала в осадок, а завкафедрой романо-германской филологии впоследствии дважды пытался переманить Александра к себе, расточая похвалы его лингвистическим способностям.

– Ты знаешь, почему он институт бросил? – спросила Стасенька, незаметно перейдя на «ТЫ».

– Да, – сказал Александр, но развить эту тему почему-то не пожелал. – Ну, где же всё-таки его носит? Двенадцать уже доходит...

– Как – двенадцать? – встрепелась Стасенька. – У нас общагу в одиннадцать закрывают!

– Правильно делают, – усмехнулся Александр.

Стасенька задумалась. С одной стороны, Рожнов мог, как обычно, приползти ночевать в их 814-ю и, не обнаружив её там, сделать соответствующие выводы. Лора его, к тому же, разумеется, выгонит, и он с горя может отправиться искать приют у более свободомыслящих особ, благо таких в общаге хватает. Но зато с другой...

Стасенька с удивлением отметила, что одна только мысль о скором возвращении Юлия вызывает у неё не то чтобы сердечный трепет, но что-то вроде того: легкую нервную дрожь почему-то в районе желудка.

– Я только про примус не поняла, – сказала она Александру. – Почему тебе после этого стало ясно, что он – свой?

Он пожал плечами:

– Как почему? Потому что Бегемота любит... и вообще...

– Любит бегемотов? – слегка озадаченно переспросила Стасенька.

– Кота Бегемота, – объяснил Александр.

– Понятно, – хмыкнула Стасенька, хотя понятно ей как раз ничего не было: сначала говорил – бегемотов он любит, потом – какого-то кота, и при чём же тут всё-таки примус?

Александр ещё раз взглянул на часы и поднялся:

– Ну, я, видно, уж не дожусь его. Значит, так. Это мята, пусть заварит и на ночь выпьет. С вареньем. Ну, с горчичниками, надеюсь, ясно, что делать. Температуру обязательно померь ему... вроде все. Завтра, может, забегу, спокойной ночи.

После его ухода Стасенька от нечего делать разложила диван-кровать, вытащила из стенового шкафа постель и задумалась, две подушки класть или одну. Положила, в конце концов, одну, но когда проснулась, вторая лежала рядом, под головой спокойно спящего Юлия.

Стасенька почему-то замерла, стараясь не дышать. Ей показалось странным, что она испытывает что-то вроде лёгкого смущения: живя четвертый год в общежитии, она давно привыкла, просыпаясь, то и дело лицезреть рядом с собой спящих вповалку друзей, знакомых, а то и незнакомых чьих-нибудь гостей. Всё это было попросту, по-приятельски, без затей: скажем, о групповом сексе, да и не только групповом, в таких ситуациях и мысли ни у кого не возникало.

Сейчас же она не могла думать ни о чём, кроме того, что он лежит с ней рядом, что они одни в комнате и что рано или поздно он тоже проснётся.

Проснуться ему, впрочем, пришлось раньше, чем она рассчитывала, потому что кто-то начал вдруг целеустремлённо ломиться в дверь.

Юлий открыл глаза и удивлённо приподнялся, увидев Стасеньку.

– Привет, – пробормотал он и с явной неохотой вылез из-под одеяла.

Стасенька проводила его до двери изучающим взглядом и отметила, что Рожнов в таком виде смотрится, пожалуй, эффектнее: он похож на Рэмбо, в смысле, на Сильвестра Сталлоне, а Юлий, в лучшем случае, всего лишь на Чака Норриса, да и то в его ранних фильмах.

Потом до неё дошло: раз к Юлию грохали в дверь, значит, сейчас сюда может войти кто-то посторонний. Стасенька в два счёта оделась и даже простыни с одеялами успела сложить.

Юлий вернулся один.

– Кто там был? – спросила она.

Оказалось, всего-навсего сосед, которому срочно потребовалось поправить здоровье. Юлий вынес ему деньги и стал одеваться.

– Так, – сказала Стасенька, взглянув на часы. – Две пары кончились, две остались. Тактика и самоподготовка.

– Плюнь, – посоветовал Юлий. – Пойдём чай пить.

– Да-а, ты не знаешь, какие у нас все военщики зануды! – пожаловалась Стасенька. – И придиры!

Нет, лично к Стасеньке они относятся, конечно, хорошо. Особенно подполковник Вендерович. Он – молодец, меньше четвёрок ей не ставит, даже когда все смеются, как дураки, над её переводами. Алик, свинья такая, додумался аж специальную страницу отвести в тетради под её «перлы». А сам недавно выдал: «В процессе рекогносцировки начальник пехоты выясняет расположение своих частей».

Ну, а самый финиш у них на военном переводе был, когда их Вендеровича угнали в командировку, и замещал его Сладковский. Это было что-то! Все обалдели, как только он вошёл. Первое время вообще ничего не соображали, потом, правда, немного очухались, но не совсем. Для начала кто-то ему перевёл, что «задача подразделений первого эшелона – войти в союз (!) с противником». А Стасенька его добила. Она выдала: «Крайние точки корабля называются «до» и «после». Сладковский же никогда не смеётся, но тут и его проняло. Он на неё так уставился и говорит, как обычно, сквозь зубы: «Вот как? А я почему-то всегда думал, что они называются «нос» и «корма».

Только тут все грохнуло, а он из аудитории выскочил и возвращаться не особо торопился. Как они там ржали в преподавательской – это надо было слышать. Непонятно, как у Сладковского его постоянные студенты могут учиться, да ещё и пятерки некоторые имеют. Ну, Каялина, конечно, умная, к тому же на неё мужики в принципе не действуют, даже самые красивые...

– Ты считаешь, он красивый? – спросил вдруг Юлий.

– Сладковский-то? Ну, вообще он не в моем вкусе, но на меня он тоже действует... Непонятно, как это у него получается. Девчонки наши все удивляются, что от него жена сбежала, а я её понимаю. Поживи с таким!.. Ну, он, конечно, не растерялся – замутил с какой-то вертихвосткой с четвёртого курса... она деловая оказалась – женила его на себе! Он её пристроил в институт, преподаёт теперь английский на первом курсе. А на вид такая скромная вся из себя, порядочная... Слушай, ты чего какой бледный? Может, правда заболел? Тут Александр твой мяту и градусник с вареньем вчера принёс, ты видел? Кстати, во сколько ты, интересно, явился?

– Это не имеет значения, – сказал Юлий, отодвигая недопитый чай.

– Как это не имеет? – изумилась Стасенька. – Я тебя ждала, между прочим!

Дальше произошла очень странная вещь. Юлий оторвал от стола мрачный взгляд и, глядя на нее в упор, сказал медленно и отчетливо:

– Да при чём тут ты вообще?

Стасенька молча хлопнула несколько раз своими роскошными ресницами, осмысливая услышанное, потом вскочила и бросилась к двери. Из подъезда она выбежала в полной уве-

ренности, что он вот-вот догонит её, остановит, попытается вернуть... Только втиснувшись в переполненный автобус на остановке, она поняла, что это – всё. Продолжения не будет.

9

Юлий выскочил за Стасенькой на площадку, постоял и вернулся. Прошёл в комнату и рухнул вниз лицом на диван. Хотелось рвать и метать, крушить всё, что попадётся под руку.

Он не вспоминал о Маше уже несколько дней, а сейчас всё началось снова. Мало того – ещё и продолжилось. Во-первых, если бы кто-то другой назвал Машу «деловой вертихвосткой», Юлий бы не просто его выгнал, а ещё и напудрал на прощание. Во-вторых, Стасенька невольно ткнула ему в глаза и без того очевидной разницей между ним и Сладковским: выйдя за Юлия, Маша с тем же самым красным дипломом работала бы сейчас в обыкновенной средней школе. Смешно даже сравнивать: Сладковский с его положением, авторитетом, зарплатой, квартирой и машиной – и Юлий, который вместо всего этого мог дать ей свою любовь... и ничего больше.

В ту же самую минуту он вдруг понял, что покоя ему не дает совершенно другое. Самое непоправимое, не оставляющее совсем никакой надежды заключалось в том, что Сладковского она полюбила. Неясно было только одно – когда и как это случилось.

Юлий сел, поджав под себя ноги. Казалось, если он сумеет понять главное, станет легче. Он попытался представить Машу и Сладковского в том злосчастном селе, где всё у них началось. Антураж был ему хорошо знаком: невероятное количество (и качество!) грязи, тяжёлая, монотонная работа, жуткие бытовые условия, несколько своеобразные нравы местных жителей, не умеющих и не желающих проводить свободное от работы время без выпивки, матерщины и потасовок. Подходящая, что там говорить, обстановка для расцвета романтического чувства!

Как же такое могло произойти? Предположим, Сладковский, пользуясь отсутствием жены, решил на свободе поразвлечься. «Эх, яблочко, да на тарелочке, надоела мне жена – пойду к девочке». Это понятно. Предположим, ему понравилась из всех именно Маша. Это тоже может быть.

Дальше с рассуждениями было глухо.

С первой же попытки Сладковскому должно было стать ясно, что Маша – не из тех, с кем можно развлекаться без проблем. Это наводит на мысли, что он её тоже полюбил.

Но когда Юлий приехал к ней в то последнее воскресенье, им оставалось куковать там меньше двух недель. Тогда между ними ещё ничего не было, если не считать анекдотической встречи в бане. Что же могло случиться после его отъезда?..

Как это вообще бывает?

Он попытался вспомнить, как было с ним. Звонок вечером: «Что ты сейчас делаешь?» – «Кажется, геометрию... А ты?» – «С ума схожу...» Что с ним произошло в те мгновения? Невозможно представить, понять, объяснить... Что-то вспыхнуло, затрепетало... и восьмой год – извольте радоваться – трепещет. Юлий усмехнулся, сходил на кухню, выпил холодной воды из-под крана.

Всё? Полегчало?

Да мало ли как это могло произойти! Вошёл он в комнату тогда, после бани, увидел ее с антологией английской поэзии – и вспыхнуло, и затрепетало! Получите результат!

Нет, в то время ещё ничего у них не вспыхнуло – те несколько часов, которые Юлий провёл с Машей после приезда в село, она была его и только его...

...Спрыгнула она с тракторного прицепа с надписью «Перевозка людей запрещена», увидела его по колено в грязи с мешком картошки на хребте – и готово...

Ладно, с этим – всё...

Легче не стало, но когда-нибудь он научится не кидаться на стены при мысли о ней... Со Стасенькой только глупо получилось. Юлий не понимал и терпеть не мог людей, имеющих

привычку срывать злость на ком попало. Сегодня он не справился с нахлынувшими эмоциями сам – продемонстрировал, так сказать, во всей красе умение владеть собой, не говоря уже об элементарной вежливости!

Стасенька в этой ситуации выглядела намного лучше – молча встала и хлопнула дверью. Вообще в ней что-то есть... какая-то она из себя вся непосредственная, плюёт на все условности и делает то, что хочет.

Взгляд Юлия наткнулся на забытую ею на стуле «Марию Стюарт». Он зачем-то раскрыл её, перелистнул несколько страниц. Отдельные места в книге были отмечены волнистой карандашной линией.

«Как и всякое великое искусство, любовь требует изучения, испытания и проверки на практике. Всегда или почти всегда, как мы это видим и в искусстве, первый опыт далёк от совершенства».

Н-да, интересно, что же тогда такое – совершенство, если он от «первого опыта» до сих пор не может прийти в себя?! Который год уже...

Ладно, не в этом дело.

Если отбросить все перепевы на тему того, что любовь – это тайна, загадка, и от самого человека практически не зависит? Если попытаться всё-таки разобраться...

Ну, вот жил бы он, к примеру, в Америке. Естественно, он бы тогда знать не знал никакой Маши Воробьёвой и любил бы себе спокойно какую-нибудь там Джейн или Мэгги. О чём это говорит?

Что свет клином ни на ком не сошёлся. А если кажется, будто сошёлся, это говорит всего лишь о том, что кто-то произвёл на тебя впечатление, но вовсе не значит, что этот кто-то – единственный в мире. Кто-то другой – теоретически – может произвести точно такое же впечатление, и даже более сильное. Надо только не заикливаться на мысли, что любовь бывает обязательно вечной, бесконечной и прочее. Психологический настрой – половина дела.

Так. Если ещё со стороны статистики зайти.

Предположим, в нашей стране девиц соответствующего возраста – ну, хоть двадцать миллионов. Опять-таки, с научной точки зрения, взять ту же теорию вероятности, среди них окажется, может, несколько десятков, похожих на Машу и душевными качествами, и даже на вид? Тем более внешность – не самое главное.

Стасенька, например, ему тоже нравится, а с Машей – совершенно ничего общего...

Нет, от таких размышлений можно свихнуться. Пора завязывать. Он снова полистал книгу, которую так и держал всё это время на коленях. Из неё выскользнул листок с написанными от руки стихами. Юлий взглянул мельком, выхватил несколько строчек:

*В блеске ресниц твоих
чёрной огромности
вечность откроется.
О, золото взора!
Мир, заключённый
в бездну ресниц твоих
пасмурно-черных.*

Он узнал эти стихи – Мигель Эрнандес, только в незнакомом переводе. Дальше был Гарсия Лорка. Юлий помнил наизусть два перевода его стихотворения «Встреча», но этот видел впервые:

*Теперь ни ты, ни я –
Мы встреч не ищем.*

*Ты... понимаешь всё.
Иди же
тропинкой этой –
ради всех святых.
О Боже, как её любил я!
В моих ладонях –
от гвоздей следы.
Ты видишь –
В ранах кровь застыла?
Не вспоминай же никогда
О днях минувших!
Так и уйди за поворот,
Не оглянувшись!
И молись с рассвета до темноты
Святому Каэтано,
Чтоб не искали ни я, ни ты
Встреч беспрестанно.*

Кто бы мог подумать, что Стасенька увлекается испанской поэзией! Да ещё отыскивает где-то редкие переводы. Юлий машинально сунул листок в карман и призадумался. Если им нравятся одни и те же книги и стихи, это, конечно, ещё не свидетельство их возможной душевной близости, но всё-таки уже кое-что!

Может, и есть на свете всемогущая Судьба, решившая, наконец, ему улыбнуться, и появление в его жизни Стасеньки – её щедрый подарок? И как он, идиот, с этим подарком обошёлся?

Хорошо ещё, хоть книга её осталась. Вполне приличный повод.

10

Вечером Стасенька с Рожновым и Лепиловым курили на балконе восьмого этажа и обсуждали от нечего делать всех попадающих в поле зрения. Из подъезда выпрыгнул Яша Кохановский в финском спортивном костюме.

– Граждане, проверяйте часы! – воззвал Сэнди. – Восемь тридцать одна!

Рожнов проверил по своим японским и, убедившись в правильности лепиловского прогноза, спросил лениво:

– А почему – именно одна?

– Потому что ровно в восемь тридцать он выходит из комнаты.

Стасенька проводила убегающего Кохановского заинтересованным взглядом и предложила с неожиданным энтузиазмом:

– А давайте тоже бегать по утрам и вечерам!

– За Яшей? – усмехнулся Рожнов.

– Почему – за. Можно и перед, – сказала Стасенька, подумав.

– Перед Яшей? – уточнил Лепилов. – Чего тебе перед ним бегать, у него жена и дети. Внимание, граждане! – он внезапно оживился и даже перегнулся через край, чтобы лучше рассмотреть. – Никак, Раймонда нового мальчика завела?

– Какой он новый, это же Котя! – бросив взгляд вниз, остудил пыл друга Рожнов.

Несмотря на то, что Дмитрий Валентинович Крохалёв уже несколько лет преподавал на переводческом факультете английский язык, он был ненамного старше их, жил после недавнего развода тоже в общежитии и был среди студентов абсолютно своим. Котей его называли любя – потому что повадками он здорово напоминал кота Леопольда.

– Они пошли на «Пиратов», – добавила информированная Стасенька.

– А мы что же не идём? – встрепенулся Рожнов.

– Бесплатно не пускают, – вздохнул Сэнди.

Стипендия ожидалась лишь послезавтра, а подача заявления в ЗАГС Стасенькой и Вадимом отмечалась несколько дней подряд столь широко, что сейчас финансы каждого в компании состояли из случайно завалявшихся по карманам трёх-четырёх медяков.

– А бутылки все сдали? – грустно спросил Рожнов.

– Сам же в чемодан укладывал, – столь же безрадостно отозвался Сэнди.

– А Пашке Минину сегодня в буфете кучу мелочи вручили на сдачу, – задумчиво сообщила Стасенька.

– Что ж ты молчишь?! – Рожнов тут же бросил окурок и устремился к двери. – За мной!

Паша приглашение сходить в кино воспринял без энтузиазма. Он сказал:

– На какие деньги? – с подтекстом «были бы они».

Тогда вперёд выступила Стасенька.

– Я знаю, у тебя есть куча мелочи, – сказала она торжественно. – Я всё про тебя знаю!

Паша обалдел, пошарил в кармане и действительно вытащил солидную кучу мелочи. Рожнов быстро денежки у него экспроприировал, на что Лепилов заметил:

– Опять ты, Вадька, пожираешь Пашины лавры!

Все, кроме Паши, радостно засмеялись. На втором курсе Рожнов на каком-то семинаре цапнул у Минина его конспекты первоисточников и ответил вполне прилично, хотя готовиться, конечно, и не думал. А тот, добросовестно отсидев в читалке полдня перед семинаром, ответил еле-еле, и когда преподаватель Рожнова похвалил и даже привел в пример остальным, Паша обиделся и сказал Вадиму: «Вечно ты, Рожнов, пожираешь чужие лавры!» С тех пор вся группа, а также широкий круг их знакомых, радостно указывали друг другу на каждый факт «пожирания» кем-нибудь чужих лавров – чаще всего, конечно, Пашиных.

Билеты они купили самые дешёвые, но кайф от фильма это им не испортило. На обратном пути повеселевший Паша вынул из кармана заначку и с разудалым возгласом: «Гулять так гулять!» закупил в киоске четыре порции мороженого в вафельных стаканчиках.

Ко всему прочему, автобус на остановке показался подозрительно быстро.

– Не наш, наверно, – предположил Лепилов, трезво оценивающий пределы благосклонности судьбы.

– Как раз вот наш, – разглядел Рожнов.

– Да? Ну, значит – с контролёром...

Рожнов сказал, задумчиво облизываясь:

– С мороженым нам не поверят, что денег нет...

– Так ведь правда нет! – возразила Стасенька.

– А они скажут: не покупали бы мороженое, а купили бы билеты!

– Как будто билеты можно есть... – грустно заметил Сэнди.

Подошедший автобус был переполнен. Паша с Лепиловым отважно бросились на бордаж, а Вадим со Стасенькой решили благоразумно подождать следующего. Через несколько минут к остановке подошли Котя и Раймонда. Все вместе они поболтали немного о фильме, а потом, как обычно в компании с Крохалёвым, пошло его сольное выступление.

Для начала он рассказал, как сдавал на четвёртом курсе научный атеизм. Читала им его некая Евдокия Поликарповна, которая сейчас, к счастью нынешних студентов, уже ушла на пенсию. Получить у этой особы на экзамене четвёрку было редким везением и пределом мечтаний – пятёрку она не ставила никому. Особенной ненавистью Евдокии Поликарповны пользовались почему-то лица мужского пола, причём в прямо пропорциональной зависимости от своих внешних данных: мало-мальски привлекательных молодых людей она не выносила вообще.

– Ну, у меня-то вроде внешность обыкновенная, – обаятельно улыбнулся Котя. – Но меня она почему-то возненавидела больше всех. Реферат по атеизму я переписал с докторской диссертации одного маминого знакомого. Она мне его швырнула обратно со словами: «Это чепуха! Очень слабо и поверхностно!» На экзамене она меня три раза подряд заставила рассказать про культ в англиканской церкви. Спрашивает: «Всё?» Ну, я думаю – в четвёртый раз, что ли, начинать? Говорю: «Всё». Она: «Иди отсюда, ничего ты не знаешь!» Сколько я потом бегал за этой мымрой – как вспомнишь, так вздрогнешь. Один раз в коридоре с ней столкнулся, я такой весь из себя вежливый, приятно улыбаюсь, говорю: «Евдокия Поликарповна, когда мне можно прийти на пересдачу?» Она как начнёт орать: «Что вы себе позволяете! Пропустите немедленно!» Потом в деканате жаловалась: «Ваш ненаглядный Крохалёв совсем обнаглел, зажал меня в дверях и говорит – примите экзамен!» Короче, еле сдал... У меня из-за этого атеизма чуть поездка в Англию тогда не сорвалась. Кстати, Вадим, какие у вас шансы? С вашего курса вроде бы десять человек посылают...

Вадим пожал плечами:

– Не знаю, мы ещё нигде ничего не обсуждали.

Котя снисходительно улыбнулся:

– А вам и не надо, без вас обсудят. Вы, кстати, молодец, Вадим, что жениться надумали, это большой плюс... У нас некоторые даже специально на четвёртом курсе женились. Не дураки ли? На месяц съездишь – потом всю жизнь расхлёбывай.

– Да, конечно, – Вадим тоже улыбнулся, но несколько принуждённо: намек был слишком очевиден.

Он уже открыл было рот, чтобы сменить тему, но тут выступила Раймонда. Она засмеялась и сказала:

– Вовсе не обязательно всю жизнь расхлёбывать. Можно развестись – и опять гуляй, как хочешь!

Это был камешек в Котин огород. Крохалёв поморщился:

– Ах, развод – это страшное дело! Лучше не вспоминать!

Тут, наконец, появился автобус. До общежития доехали без эксцессов, тем более что Крохалёв сразу пробил четыре талона, и контролёров можно было не опасаться. Строгую вахтёршу Рожнов миновал благополучно, так как Котя виртуозно отвлёк её разговором о грядущем ремонте.

11

В первые три дня недели в кафе играл второй состав, поэтому после работы никуда не надо было спешить. Юлий купил первый попавшийся букет цветов, упрятал его в «дипломат» и поехал к Стасеньке.

В дверях общежития он столкнулся с какой-то девицей. Она ойкнула и отскочила.

– Извините, – сказал Юлий и посторонился, пропуская её, но она почему-то не двинулась с места.

Он взглянул на неё и вдруг увидел, что это Маша.

– Привет, – он проглотил странный комок, внезапно застрявший в горле.

– Здравствуй... Юлий.

– А что тут за собрание в дверях? – весело поинтересовался кто-то из набежавшей сзади шумной толпы. – Другого места не нашли?

Юлий шагнул в сторону, за закрытую створку стеклянной двери. Маша взглянула на него сквозь прозрачную перегородку и тут же опустила глаза. Он усмехнулся тому, что ручка «дипломата» вдруг врезалась в ладонь до боли. Так близко – совсем как раньше. Лишь тонкий слой стекла между ними... который, к сожалению, лбом не прошибёшь.

Наконец, шумная компания ввалилась в холл, освободив проход. А Маша всё так же стояла за дверью.

Юлий вскинул голову и переступил порог. Наверное, он так и прошёл бы мимо, но она не выдержала, шагнула к нему, взяла за руку.

– Юлий... давай отойдём.

– Ну, давай!

– Я... очень рада тебя видеть. А ты... как здесь вообще оказался?

– Пришёл к знакомой девочке, – сказал Юлий так спокойно, как будто направлялся к Стасеньке по её приглашению пить чай, а не объясняться по поводу своей безобразной выходки при их последней встрече.

Маша пыталась улыбаться.

– А у нас здесь занятия были на восьмом этаже. В институте ремонт, аудиторий не хватает... Может, туда пойдём? Там сейчас свободно... а то стоим тут у всех на виду...

– Извини, я не понял: зачем мы туда пойдём?

– Ты все такой же, – сказала Маша с каким-то странным выражением.

– Внешне ты тоже мало изменилась, – произнёс Юлий на этот раз уже с явной издёвкой – хотя это было чистой правдой.

Она вскинула на него глаза.

– Юлий... Ты можешь меня выслушать?

Он пожал плечами.

– Почему бы нет? Говорят, лучше поздно, чем никогда...

– Тогда пойдём...

В пустой комнате для занятий Маша села по привычке за преподавательский стол, он – на подоконник. Она вскочила, хотела подойти поближе, но передумала, села опять и торопливо заговорила, не глядя на него:

– Понимаешь, я не могла тогда... тебе объяснить. Я тебе... тебя... наверное, потому что я тогда все ещё...

– Что? – не выдержал он.

– Ничего... – она помолчала, потом начала снова. – Теперь... как-то легче, три года прошло. Олег... я ему всё рассказала о тебе, о нас с тобой...

– Всё? – вскинулся Юлий.

– Нет, не всё, – торопливо поправилась она. – Только самое главное... то есть, наоборот – в общем, без подробностей. Он выслушал и сказал: «А зачем мне об этом знать?»

– Резонно, – заметил Юлий. – Я тоже считаю, что незачем.

– Я... думала, он мне что-нибудь подскажет, посоветует, что делать...

Она не поднимала глаз от стола, и он мог не отрываясь смотреть на её милый профиль с опущенными ресницами, всё так же подстриженные светлые волосы, тонкую шею и прямые плечи... Юлий отвернулся.

Зачем он пошёл с ней, идиот? Всё, что было где-то очень глубоко, настолько, что порой отпускало от себя на день, другой, неделю, – всё это теперь нахлынуло с новой, сокрушительной силой... Их встречи и то сумасшедшее чувство счастья, впервые испытанное им ещё до начала этих встреч, даже до того памятного телефонного звонка, может быть, лишь в неясном предвкушении, предчувствии этой обрушившейся на него любви... Всё, что их связывало – навсегда, как им тогда казалось, – эти колыбельные по телефону до зари, эти летящие часы, которых им всегда не хватало, чтобы досыта наговориться о пустяках и о самом главном, наглядеться друг на друга, ну, и не только наглядеться, конечно...

Маша заговорила снова. От её слов Юлию становилось всё хуже и хуже, хотя раньше ему казалось, что дальше уже – край. Сладковский – это, оказывается, её огромная удача в жизни, так везёт, может, одному человеку из тысячи, а может, даже из миллиона. И она благодарна Юлию, ведь если бы не он и их любовь, Маша была бы совсем другая к тому времени, когда у них началось со Сладковским, и на ту, другую, он никогда и внимания не обратил бы.

Или ещё так: Юлий – хороший, очень хороший. В чём-то – даже лучше Сладковского (даже!). Нет, правда, чисто объективно: он искреннее, внимательнее, не такой ехидный и высокомерный. Но любовь... он, конечно, понимает – это же не от них зависит. Странно, а может, наоборот, так и должно быть – они чем-то очень похожи, Юлий со Сладковским. Самое смешное, ей иногда даже кажется... нет, ничего, просто голова кругом идёт... Все эти три года она думала, что надо обязательно как-то ему это объяснить, чтобы он... ну, не думал, что она легкомысленная и вообще...

– Да брось, – не выдержал Юлий. – Ничего я о тебе не думаю.

– Совсем?... – Маша неожиданно бросила на него робкий взгляд.

– Так, – сказал Юлий, нервно отбрасывая волосы со лба. – Всё понятно, кроме одного: чего ты от меня, собственно, хочешь?

Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге возник Крохалёв. Увидев их, он вытаращил глаза, потом быстро соорудил извиняющуюся физиономию и попятился:

– Ах, простите! Не думал, не гадал... Вы, Мария Вячеславовна, моих, случайно, не видели? Я немного опоздал, расписание не посмотрел, где-то они то ли на восьмом, то ли на девятом должны сидеть....

– Тут ещё в другом крыле есть такая же комната, – ответила Маша, выпрямившись. – Через холл и тоже в самом конце...

– Да? – спросил Крохалёв с таким видом, будто раньше об этом не знал. – Ну, спасибо, пойду поищу. А у вас от этой комнаты ключа-то нет, что ли?

– Есть, – кивнула Маша. – А что?

– Так вы бы закрылись, – посоветовал Крохалёв, приветливо улыбаясь, и бесшумно удалился.

Маша вскочила. Теперь она глядела на Юлия во все глаза – испуганно, почти жалобно.

– Ты что? – удивился он. – Что случилось-то?

– Он... он, мне кажется, неправильно всё понял... – пробормотала Маша. Она снова опустилась на стул и сжала виски ладонями. – А если он Олегу расскажет?..

Юлий почувствовал, как в нём начинает закипать злость, и, самое интересное, – не на Крохалёва.

– Ну, и что будет? Сцену тебе устроит? Было бы из-за чего!

Маша вздохнула.

– Да, но... Здесь ведь много... специалистов по интерпретации! Мне, конечно, плевать на них, только Олега жалко...

Юлий смотрел на неё и снова, уже в который раз, возвращался мыслями к тому сентябрьскому субботнему вечеру, когда он ехал – уже ехал! – к ней, трясся в грязном, полутёмном вагоне и думал с замиранием сердца о предстоящей встрече. А она сидела в это время у окошка с антологией английской поэзии и ждала, а может, не ждала возвращения Сладковского из бани (!). Если бы он сумел приехать всего на один день раньше...

– А хозяйка тогда скоро пришла? – неожиданно для себя самого спросил Юлий каким-то чужим, полуофициальным тоном.

– Какая хозяйка? – Маша взглянула на него с недоумением и тут же поняла. – Да, скоро... минут через пять.

– Как же это вы... за пять минут всё успели? – Юлий знал, что не должен касаться их отношений, тем более лезть с расспросами так грубо, почти цинично, но он чувствовал – дальше так продолжаться не может, пусть будет хуже, но ясно до конца.

Маша не возмутилась и не обиделась. Она просто сказала:

– Ты знаешь, тогда мы почти ничего не успели. У меня потом целую неделю – до следующего воскресенья – даже в мыслях не было, что я его люблю. Я об этом никогда никому не рассказывала. Тебе... если хочешь.

Юлий помолчал, отбросил волосы со лба и сказал:

– Хочу.

12

Дело было примерно так. Сладковский зашёл в комнату, долго думал, здороваться или нет, потом всё-таки процедил что-то типа: «Добрый вечер». Маша, почему-то потеряв дар речи, оторвалась от книги, кивнула ему и снова уставилась в недочитанное стихотворение Китса.

– А где хозяйка? – спросил Сладковский, бросив у порога фирменный пакет с вещичками.

– Не знаю, – ответила Маша, по-прежнему демонстрируя абсолютную поглощённость чтением.

Она надеялась, что Олег Владимирович, увидев, что человек занят делом, не будет вступать ни в какие разговоры, но получилось как раз наоборот. Он подошёл, по-хозяйски глянул на обложку и небрежно сказал:

– О! Антология английской поэзии? Вы разве литературу ещё не сдали?

– Сдали, – сказала Маша тоже не слишком приветливо. – Мне, видите ли, нравится кое-что из английской поэзии!

Сладковский скользнул скептическим взглядом по раскрытой странице и, отходя, процедил сквозь зубы:

– «Где взять мне сил для облинявших крыл...»

– Что? – переспросила несколько удивлённая Маша.

– Не что, а кто, – надменно поправил Сладковский. – Джон Китс.

Этих строк на раскрытой странице не было, но Машу они заинтриговали.

– А дальше? – тихо спросила она.

Сладковский уселся на лавку и продекламировал с тем же скучающе-скептическим выражением:

*Где взять мне сил для облинявших крыл,
Чтоб снова воспарить под облака
И унести от Купидона – ввысь,
Как от порхающего мотылька...*

– Купидон – это, кажется, бог любви? – уточнила Маша в жуткой растерянности. – А почему надо от него... уноситься?

Этот вопрос они обсудить не успели, так как именно в тот момент вернулась с добытой бутылкой довольная хозяйка.

Всю следующую неделю Сладковский, по своему обыкновению, смотрел на Машу как на пустое место, а она на него старалась не смотреть вообще. В воскресенье же произошло событие, несколько выходящее за рамки ординарного: местный молодой, но уже довольно известный дебошир Ваня Хобот стукнул в состоянии алкогольного опьянения Сладковского лопатой. Точнее, её черенком, и не по голове, а всего-навсего по спине, так что ничего страшного вроде бы и не случилось. Поэтому Ваня очень удивился, когда осаждаемая их гопкомпанией дверь тут же вдруг сама по себе распахнулась, и из неё выпрыгнула бледная девица в халатике и в тапочках на босу ногу. Вырвав у обомлевшего Вани палку и обозвав его почему-то идиотом, она замахнулась на него с таким видом, что тот, опасаясь за сохранность черепашки, мигом перемахнул через довольно высокий забор и благополучно скрылся в соседнем огороде.

Но лучше по порядку.

В то воскресенье местные молодые люди собрались, как обычно, целой стаей за клубом, выпили всё, что сумели найти, закусили и бодро двинулись к дому тёти Нюры с намере-

нием пригласить приезжих девочек совместно провести досуг. Они были в курсе, что хозяйка уехала с ночёвкой в город, и поэтому направились именно туда, хотя приезжие квартировали в нескольких домах.

Начали они с пары матерных частушек, которые спели под окнами, ненавязчиво приглашая девочек разделить их простодушное веселье. Так как ожидаемой реакции не последовало, Ваня Хобот легонько постучал подобранным где-то черенком лопаты в окошко и выступил с более конкретным предложением:

– Эй, девки! Выходите гулять!

Своё любезное приглашение ему пришлось повторить неоднократно с различными дополнениями: от миролюбивого «Ладно кобениться-то!» до не вполне уравновешенного «Ща, ..., все окошки повыбиваем на..., ...!»

В гостях у девочек в это время находилось двое мальчиков с переводческого факультета, которые сначала держались стойко и, невзирая на усиливающиеся пьяные крики под окнами, спокойно продолжали игру в покер. Только когда Ваня Хобот от слов перешёл к делу и с размаху шарахнул черенком лопаты по стеклу одного из передних окошек, переводчик Лёня положил карты и задал риторический вопрос:

– Интересно, у них тут милиция есть?

Лучше знакомый с местным укладом переводчик Валера ответил, что есть, кажется, участковый где-то на центральной усадьбе.

– Далеко, – резюмировал Лёня, и все с ним согласились.

Хобот тем временем почему-то раздумал лезть через окно и начал потихоньку сокрушать дверь. Прислушиваясь к размеренным ударам и пьяным угрозам, доносящимся от входа, Лёня предложил вылезти через кухонное окошко и позвать на помощь кого-нибудь из соседей.

Лучше знакомый с местными нравами Валера возразил, что найти в воскресный день в деревне хоть одного трезвого мужика – задача не из простых. Тем более, одному тут и делать нечего.

Тогда вспомнили о Сладковском.

– А он что сделает? – засомневался было Лёня, но девочки в один голос заверещали, что, конечно же, нужно немедленно позвать Олега Владимировича. Они были отчего-то уверены, что уж кого-кого, а их руководителя хулиганы испугаются обязательно.

Лёня с Валерой бесшумно, как диверсанты, выползли из кухонного окна и со всех ног понеслись за Сладковским. Он их встретил, понятно, без восторга, однако тут же оделся и вышел.

Ваня Хобот к тому времени разошёлся и, размахивая черенком, орал с большой экспрессией:

– Всех зарезу на.....!

Его дружки шумно и тоже не вполне цензурно выражали одобрение этих далеко идущих планов, продолжая целеустремлённо ломиться в дверь.

– Какие проблемы? – подходя, спросил сквозь зубы Сладковский.

Один за другим хулиганы стали на него оглядываться и вроде как расступаться, только Ваня Хобот в очередной раз с разбегу пнул дверь сапогом, а потом ещё грохнул по ней со всего размаха своей палкой, так что конец её с треском обломился. Тут Ваня, в поисках чего-нибудь покрепче, оглянулся тоже.

– А лбом не пробовал? – поинтересовался Сладковский, подходя ближе.

Гоп-компания, на мгновение онемев, разразилась не очень мелодичным, но жизнерадостным смехом.

– Ща я тя зарезу на..., – подумав, ответил Ваня и устремился на него с крыльца, но немного не рассчитал и, покачнувшись, шагнул мимо ступеньки.

– Так, – сказал Сладковский командным тоном. – Все свободны. Разой-дись!

Наблюдая за нестройным отходом превосходящих сил противника, он не обратил никакого внимания на то, что у крыльца Ваня Хобот медленно, но вполне успешно поднимался с четверенек.

Подобрав поломанный, но ещё достаточно крепкий черенок, Ваня улучил момент, подскочил сзади к Сладковскому и с размаху огрел его по спине.

– Понимаешь, – сказала Маша Юлию, – я почему-то так испугалась... у меня прямо в глазах потемнело: кто знает, что там у него за шрамы... Ну, вот. Дальше как-то всё путается... помню только, что увязла в грязи чуть не по колено... Он меня вытащил, на крыльцо поставил...

– Сладковский? – зачем-то спросил Юлий.

– Понятно, что не Ваня... И говорит мне: «Тоже, что ли, хлебнула?!»

От того, что на губах у неё при этом появилась вдруг счастливая улыбка, у Юлия сжалось сердце. Но он решил идти до конца:

– А дальше?

– Дальше... Дня через два мы с Ленкой Покровской пошли за молоком на ферму... А был дождь, и темнеть уже начинало. Прошлёпали мы с ней по лужам мимо его дома и дальше идём. Через минуту он нас догоняет и говорит своим обычным высокомерным тоном: «Оглобли назад, красавицы! Заболеете – отвечай потом за вас!» – забрал у Ленки ведро и пошёл сам. Она, конечно, обрадовалась и припустила домой, а я осталась. Он оглянулся и стал меня всячески гнать, но бесполезно. Туда шли – было ещё ничего, но оттуда – что-то страшное. Дорогу окончательно развезло, шагу не ступить, чтобы нога не поехала, да он ещё с молоком этим, того гляди выльет на себя всё ведро, в общем, весело. На какие-то заросли в темноте набрели, вылезли из них все в колючках – в таких мелких, противных, «собачки» их называют... Вместо двадцати минут мы с ним тащились, наверно, почти час. Это был, конечно, кошмар, но для меня с тех пор чавканье грязи под ногами – даже не знаю, что-то вроде музыки... Он поставил ведро в сених, я сказала: «Спасибо», он буркнул: «Не за что» и пошёл. Потом вернулся, посмотрел на меня сверху вниз и говорит командным тоном: «Пойдём со мной, надо чего-нибудь выпить, а то точно заболеешь».

– И?... – поторопил Юлий.

Маша вздохнула.

– Может, дальше не стоит?

– Ну, что ты, – усмехнулся он. – Дальше, вероятно, как раз самое интересное!

– А ты к девочке своей не опоздаешь?

– С девочкой я разберусь, не волнуйся.

– Хорошо... Пришли мы, он достал коньяк и всё прочее...

– Хозяйки у него дома, естественно, не было? – предположил Юлий.

– Не было, – подтвердила Маша. – Ну, вот. Выпили, он ещё наливает, я говорю: «Я больше не буду». Он плечами пожал, но сам тоже не стал. Сидим. Он молчит, я тоже. Потом говорю: «Вы хоть анекдот какой рассказали бы, что ли». Он подумал, потом говорит: «Анекдот тебе? Сейчас расскажу. Слушай. Я со своей женой в разводе уже два года. Не знаю, кто из них там кого совратил, но она сбежала от меня к моему младшему брату. Живут сейчас с нашей шестилетней дочерью в Киеве». Я, конечно, обалдела, потом спросила: «Вы её любите?» Он на меня посмотрел так, будто собрался ответить: «Не твоё дело». Но вместо этого сказал совершенно спокойно: «Уже нет. Может быть, это ненормально, но я в принципе не способен на одностороннюю любовь. По-моему, это должно быть или взаимно, или никак».

– Хорошо бы! – не сдержался Юлий.

– Что – хорошо? – не поняла Маша.

– Всё хорошо... – буркнул он.

Тогда Маша расписала ему точку зрения Сладковского на безответную любовь подробнее. Во-первых, она смешна, во-вторых, унизительна. Непонятно, почему такая любовь превозносится поэтами и романистами. Не всеми, конечно. Есть и среди них умные люди: Фитцджеральд, например. В его романе «Ночь нежна» главный герой произносит золотые слова: «Я никогда не был охотником до любви всухую».

– Слова, может быть, и золотые, – сказал Юлий, – но он её и до, и после этих слов любил всё так же...

– Не знаю, – задумалась Маша. – Но мне кажется, Олег действительно не способен на такую любовь. Для него чувство собственного достоинства важнее... и если происходит столкновение, то от любви ничего не остаётся...

«Н-да, – подумал Юлий. – Как там у меня насчёт чувства собственного достоинства?»

– И ещё он говорит, что любовь – далеко не всё в жизни. Кроме неё, каждому человеку нужно что-то ещё...

– А что именно, он не говорит? – усмехнулся Юлий.

– Ты с ним не согласен?

– Конечно, нет. Я считаю, можно прекрасно обходиться и без того, и без другого.

Маша бросила на него быстрый взгляд.

– Ты так не считаешь, но дело не в этом. Так вот, высказал он мне всё и вроде как ждёт реакции. А на меня будто нашло что-то – сижу и молчу. Он подождал, потом говорит: «Ну, что? Могу ещё один...» И рассказал на этот раз настоящий анекдот: как агент разведки прыгал с парашютом... Потом... – тут Маша внезапно замолчала.

Вообще-то потом она сказала, что ей пора, и они вышли в сени. Сладковский, извинившись, вернулся на минуту в дом за сигаретами. Когда он снова вышел в сени, Маша сидела на лавке, на коленях у неё лежала его штормовка, и она старательно обирала с неё колючки.

Он бросил небрежно:

– Спасибо, не стоит. Приду – почищу, – и потянул штормовку к себе, но Маша её не отпустила, сказала:

– Да сейчас, немного осталось...

Хотя колючкам ещё конца-края не было.

Она сидела, отдирала «собачки» и аккуратно складывала их на газету. Ему стоять у неё над душой надоело, и он тоже сел и стал ей помогать. Потом Маша с тем же сосредоточенным видом, так же старательно, может быть, только чуть осторожнее принялась обирать «собачки» уже не со штормовки, а непосредственно с него. Сладковский некоторое время сидел неподвижно, потом перехватил её руку с колючкой, снятой с его свитера, и сказал с запинкой:

– Я что-то... ничего не понимаю.

– Я тоже... не очень, – призналась Маша.

– Ты... мне можешь объяснить, зачем ты тогда?.. Ну, в воскресенье...

Маша слегка покраснела и ответила, что не знает. Сладковский фыркнул и заявил, что это, во-первых, смешно: ещё не хватало, чтобы сопливые девчонки выскакивали защищать его от хулиганов. Во-вторых, повод для сплетен. Ему-то лично наплевать, но ей?

– Мне... тоже, – помолчав, ответила Маша.

– Вот как? – он взглянул искоса, потом встал, подхватил её на руки и унёс в свою комнату.

С таким видом, словно так надо, иначе и быть не может. При этом она задела ногой газету с собранными колючками, и «собачки» рассыпались по полу.

Всё получилось просто, само собой, – куда сложнее было объяснить это Юлию.

Маша опять вздохнула и сказала, не поднимая взгляда:

– Потом я стала собираться домой. В сенях мы выяснили отношения и вернулись к нему... Как-то так.

13

В дверь два раза лениво стукнули, вошёл Лепилов со здоровым куском пирога в руке.

– А нам? – Стасенька проворно вытащила из шкафа устрашающе длинный кухонный нож с деревянной ручкой.

Прощаясь с пирогом, Сэнди ещё раз энергично куснул его, стараясь отхватить побольше, и с набитым ртом сообщил:

– У Паши гости. Полдеревни родственников приехало. Сейчас все сюда придут...

– Зачем? – уставилась на него Лора. – Совсем с ума сошли! Только Пашиных родственников нам тут не хватало! И так уж проходной двор устроили!

– Не проходной, а постоянный! – радостно поправил Лепилов.

– Нет, правда! – возмутилась и Стасенька. – Зачем они сюда придут?

Сэнди заржал, чуть не подавившись пирогом, и внёс ясность:

– Да не они, а мы! Я, Рожнов и Генка. Они нас там уже достали своим трёпом...

– Теперь, значит, вы нас решили достать своим, – фыркнула Лора.

– Ах, мы вам помешаем стишки читать! – стал глумиться Сэнди.

Он плюхнулся на «лежбище», схватил Лорину книгу и прочитал с придурковатым видом по складам:

– Эд-мон Рос-тан. Кто такой, почему не знаю? «Шан-те-клер». Ой-й, это что, главный герой – петух, что ли?! Слушайте, да они тут все пернатые! «Ах, душечка, какой петух оригинальный! Он inferнальный!» – Сэнди почему-то возликовал и даже ногами задрывал в воздухе от восторга. – А inferнальный – это какой?..

Лора попыталась отобрать у него книгу, но Лепилов вскочил и отбежал в угол с видом хищника, у которого пытаются отнять добычу:

– Нет, ни за что! Всегда мечтал почитать драму из петушиной жизни! Да ещё в стихах! Я в отпаде!

Когда минут через пять явились Рожнов с Вайнсбергом, Сэнди принялся по очереди тыкать в них пальцем и восторженно декламировать одну и ту же особо восхитившую его цитату из пьесы:

– «Какой развратный взгляд! Восток, восторг, разврат!»

Привлечённые доносящимся из комнаты буйным смехом, в 814-ю начали заходить гости. Лепилов, изрядно хлебнувший деревенского самогону, каждую новую жертву встречал всё теми же вдохновенными строками.

Вновь прибывшие некоторое время хлопали глазами, недоумевая по поводу внезапно обнаружившейся развратности своего взгляда, а все остальные, обессилив от смеха, корчились в судорогах на «лежбище».

Потом Рожнов с Лепиловым долго и целеустремлённо пытались изобразить, глядя по очереди на фотографию в журнале, двух космонавтов в невесомости. Утомившись, просто сидели, лениво перебрасываясь сплетнями, анекдотами и прочей ценной информацией того же сорта.

Лоре всё это надоело быстрее, чем остальным. Пусть они её считают кем угодно, но разве она виновата, что книги, которые у них вызывают, в лучшем случае, иронические усмешки, в десять раз интереснее ей, чем их разговоры? И кто сказал, что жизнь выше литературы? Литература – та же жизнь, только неизмеримо богаче, разнообразнее и ярче жизни одного человека. В ней – бесценный опыт, накопленный множеством людей, в том числе и великих...

Не обязательно в смысле исторического значения – великих, например, в любви и самоотверженности, доброте, благородстве, дружбе и нежности, в том, чего так не хватает в жизни... Ты перелистываешь страницы, прикасаешься к пережитому ими, ощущаешь то, что чувство-

вали они, и становишься сильнее за счёт чего-то не очень определённого, но необходимого человеку как воздух – того, что называют духовностью...

Ну, сравните, если так хочется.

Лепилов:

– Видел вчера чету Родионовых. Родионов в Ольгиной рубашке и Ольгиным ремнём подпоясанный...

Тристан Корбьер: «Жизнь – это полчаса бессмертья».

Стасенька:

– Он всё вздыхал, потом начал вертеться. Ужас. Потом стал возиться. Потом начал водить глазами в разные стороны...

Коре Холт: «На мгновение её захлёстывает прежняя необузданная нежность к нему. Она отбрасывает всякую осторожность. Тихо и проникновенно поёт она для него, за стенами – пьяная стража, а здесь сидит её возлюбленный, положив голову к ней на колени...»

Рожнов:

– И сама нахалка, и мужик у неё нахал...

М.Ю.Лермонтов: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...»

Впрочем, здесь, пожалуй, Лора с классиком не согласна: какой интерес может быть в истории мелкой души? Другое дело – если речь пойдёт, например, о Че Геваре или Олеге Кошевом. Или о Мигеле Эрнандесе. Нам легче жить на свете, потому что они были, и мы знаем о них. Нет, жить, может, как раз и не легче – легче оставаться людьми при любых обстоятельствах.

Вайнберг (он среди них ещё самый умный):

– В личной жизни ему не повезло: женился, развёлся. Опять женился, опять развёлся... Вернее, нет, ещё не развёлся: денег, говорит, нет...

Торнтон Уайлдер: «С благоговейным – и благодарным – чувством он думал об удивительной возможности, которую нам даёт жизнь, – платить старые долги, искупать старые ошибки, допущенные по слепоте, по глупости...»

Катя:

– Ага, всего за столик! Там клёпочка, тут клёпочка, карманы на молниях, ворот на липучке, я прямо чуть с ума не сошла...

Это последнее выступление Лору добило. Она молча встала, взяла Ростана и ушла на седьмой этаж в комнату для занятий.

Минут через десять после её ухода в дверь кто-то постучал.

– Заходи, не сомневайся! – отозвалась деловым тоном Стасенька и стукнула по лапам Рожнова, который из лучших побуждений хотел застегнуть ей пуговицу на халате.

Дверь открылась, и Стасенька машинально протёрла глаза, потому что на пороге она увидела Юлия.

Лепилов отработанным жестом ткнул в гостя указательным пальцем и с воодушевлением выдал дежурное приветствие:

– Какой развратный взгляд!

– Восток! Восторг! Разврат!.. – подхватили на разные голоса остальные, и опять все грохнули с новыми силами.

Слегка обалдевший Юлий прислонился к косяку и сказал:

– Добрый вечер. Стасенька, можно тебя?

Все ржать постепенно перестали, но тут Алик, восторженно спросил строгим голосом:

– В каком смысле? – и все легли снова.

Стасенька сидела и молча смотрела на незваного гостя широко раскрытыми глазами.

– Да заходи, что встал-то, как неродной! – пригласил Сэнди.

Он всегда был рад новому человеку, поскольку на такой случай у них была разработана по пунктам целая программа специальных увеселений.

– Садись вот сюда, мы тут как раз проводим тест по определению коэффициента умственной одаренности... Вот листочек, вот монета. Надо десять раз вот так, ото лба, от носа, вернее, монету кинуть и обвести, чем ближе будут кружочки друг к другу, тем лучше...

– Нет, спасибо, – отказался Юлий. – С умственной одарённостью у меня без проблем. – Он подошёл к Стасеньке, сидящей все так же неподвижно. – Я, собственно, хотел...

– А теперь не хочешь? – мрачно спросил Рожнов.

После подачи заявления он считал, что с её музыкальным увлечением покончено. Стасенька, кстати, тоже так решила, но теперь, когда Юлий стоял перед ней, появившись внезапно, как волшебник в сказке, она в этом была уже не слишком уверена. Больше всего на свете ей сейчас хотелось встать, взять его за руку и увести подальше от жаждущей внеплановых развлечений компании. Но рядом сидел Рожнов... и, кроме того, она ещё не забыла, чем закончилась их последняя встреча. Поэтому она выпрямилась и спросила безразличным тоном:

– Книжку принёс?

– Да... – он положил книгу на стол и снова повернулся к ней. – И ещё... я хотел с тобой поговорить.

– О чём?

Юлий вскинул голову.

Так. Ей мало того, что он разыскал её, пришёл и стоит тут перед ней в таком идиотском положении. Ей нужно ещё выставить его на посмешище перед своими развесёлыми приятелями. Что ж, посмотрим, как это у неё получится.

Он отбросил волосы с лица и сказал чуть холодно:

– Прежде всего, я должен извиниться перед тобой за то утро. Я... вёл себя по-хамски. Мне очень жаль.

Компания затаила дыхание. Начало было многообещающее.

– Что ещё за утро?! – спросил Рожнов, сверля Стасеньку взглядом. – И как, интересно, он себя с тобой вёл?!

– Не твоё дело! – она мгновенно вспыхнула, вскочила и взяла Юлия за руку. – Пойдём отсюда...

– Никуда вы не пойдёте, – Рожнов встал у двери, – пока этот тип не объяснит, что ему нужно!

– От вас – ничего, – ответил Юлий спокойно.

– Ну, вот что, – сказал Вадим, не сводя со Стасеньки испепеляющего взгляда. – Если ты с ним сейчас уйдёшь...

Ничего достаточно страшного он так сразу придумать не смог, но она всё-таки слегка испугалась и решила остаться:

– Хорошо. Собственно, мы уже всё выяснили. Давайте теперь пить чай. Юлий, садись. Ты какое варенье больше любишь: клубничное или вишнёвое?

Юлий подумал и ответил:

– Вишнёвое!

После чая Сэнди, благодушно улыбаясь, предложил сыграть в «книжечку». Это было плановое развлечение № 2. Увеселение № 1 с «определением коэффициента умственной одаренности», к сожалению, с Юлием не прошло, хотя обычно гости с готовностью принимались водить монетами по носу и кидать их на листок, стремясь попадать по центру.

Фокус тут заключался в том, что обводилась упавшая на листок монета простым карандашом, и когда визитёр в очередной раз старательно вёл её по носу, целясь в центр, она, естественно, оставляла за собой жирный графитный след. Прodelав всю операцию десять раз, гость, обычно весьма довольный своей меткостью, предъявлял хозяевам листочек с результа-

том, ожидая заслуженного одобрения. Они же в ответ вручали ему карманное зеркальце, а отсмеявшись – заранее приготовленную вату и одеколон для оттирания носа.

Игра в «книжечку» тоже представляла собой увлекательнейшее занятие. Главное действующее лицо и гость садились на стулья, а напротив них на кровати размещались два ассистента. Гостю сообщали, что сейчас на них набросят покрывало и будут по очереди бить книжкой по голове. Объяснялась основная задача: отгадать, кто стукнул. Это было нелегко, потому что по голове и себя, и гостя отоваривало главное действующее лицо, а книжечку после этого быстро кидало кому-то из ассистентов. Покрывало снималось, гость видел книжку у одного из сидящих напротив, но, чувствуя подвох, показывал обычно на второго:

– Ты?

– Нет, не я! – честно отвечал тот, а все остальные покатывались со смеху и в один голос подтверждали: действительно, не он.

Нет необходимости пояснять, что себя главное действующее лицо стучало чисто символически, а гостя – гораздо ощутимее. Практически никто не догадывался сам, в чём тут дело, и, вдоволь натешившись, радушные хозяева раскрывали гостю секрет и получали большое дополнительное удовольствие от его ошарашенного вида.

Стасеньке не хотелось дурачить таким образом Юлия, но делать было нечего – традиции в компании соблюдались свято.

– Хорошо, – сказала она, – только со мной!

Гостю кратко объяснили правила игры, Алик с Натальей сели на кровать, Стасенька с Юлием – напротив, и Лепилов торжественно набросил на них покрывало. Алик сунул Стасеньке увесистую библиотечную книжку «Подразделения иностранных армий», она стукнула себя по голове, швырнула учебник Алику и, сбросив покрывало, ткнула пальцем в Наталью:

– Ты.

– Нет, не она! – радостно ответил Алик.

Лепилов подтвердил и снова набросил на них покрывало. Все обратили внимание, что Юлия, вопреки традициям, Стасенька тоже стукнула чисто символически. И во второй раз – тоже. До третьего не дошло: Юлий перевёл изучающий взгляд с Натальи на Алика и сразу же – на Стасеньку:

– Ты, что ли?

– Вы что, тоже так играли?.. – удивилась она.

– Нет, – сказал Юлий.

– А как же ты догадался?

Он усмехнулся:

– Аналитическим путём.

После короткого совещания забавы № 3 и № 4 решено было отложить до лучших времён и приступить сразу к увеселению № 5 под кодовым названием «Памятник».

Это выглядело так.

Главный организатор – сегодня им вызвался быть Вайнберг – для начала выбрал в качестве скульптурного материала Наталью и Алика, а всех остальных выгнал за дверь, объявив им, что они – скульпторы, участники конкурса на лучший проект памятника Ромео и Джульетте. Первым номером он пригласил Лепилова. Сэнди знал, что по ходу ему будет предложено занять место Ромео, а поскольку на Наталью он никаких видов не имел, позу для памятника выбрал самую скромную: его Ромео и Джульетта стояли, держась за руки, как на прогулке в детском саду.

– Все гениальное просто, – одобрил проект Вайнберг. – Вам нравится ваше творение, маэстро? В таком случае сообразовите занять место Ромео!

Затем он вызвал Раймонду, которая решила запечатлеть последнюю сцену бессмертной трагедии. Ловко подставив Лепилову подножку, она сообщила, что он уже отравлен, и ему,

соответственно, нужно не стоять, а лежать, но Ромео на пол не плюхнулся, а вывернулся и выступил со встречным предложением «воздвигнуться» сразу на постаменте («лежбище»). Ваятельница милостиво дала согласие, и Лепилов повалился в картинной позе на сдвинутые кровати. «Хладный труп» Джульетты Раймонда расположила перпендикулярно к нему.

– Как это свежо и оригинально! – восхитился организатор конкурса. – Прелестная головка безвременно уснувшей итальянской красавицы живописно покоится на животе её отравленного жениха...

Оба скульптурных портрета синхронно затряслись в тихом конвульсивном смехе. Один лишь Алик не оценил идею:

– Памятник на кровати, это же надо додуматься! Прямо извращение какое-то!.. Гнать надо таких скульпторов в шею!

– Мы за абсолютную свободу творческих воззрений и принципов! – вдохновенно пояснил Вайнберг. – Вы довольны своей работой, мадам? Займите, пожалуйста, место Джульетты.

Кровати под тяжестью роскошных форм Раймонды жалобно скрипнули, а Ромео не менее жалобно пискнул:

– Полегче, задавишь!

– Молчи, покойник, – отозвалась Джульетта, устраиваясь поудобнее.

Следующим номером зашёл Юлий.

– Как вам нравится, маэстро, данное произведение вашего коллеги? – любезно осведомился у него Вайнберг.

Юлий усмехнулся.

– Нет слов.

– Что ж, посмотрим, что получится у вас. Прошу вас, приступайте! Юлий задумался на мгновение, потом поставил Раймонду на ноги, а Ромео перед ней – на одно колено. Раймонде голову чуть-чуть наклонил, а Лепилову, наоборот, задрал повыше.

– И это всё? – хмыкнул организатор конкурса. – Впрочем, что-то в этом есть. А как считают зрители?..

– Гораздо приличнее! – одобрил Алик.

– Ваше творение закончено, маэстро? – осведомился Генрих. – Тогда будьте так любезны занять место Ромео!

– Зачем? – удивился Юлий, а узнав, что так положено, пробормотал скептически:

– Н-да, умеют люди развлекаться!

– Вам не хочется встать передо мной на колени? – кокетливо поинтересовалась Раймонда.

– Да нет, почему же, – холодно отозвался Юлий, сменяя Лепилова. – Веселиться так веселиться...

Затем к работе приступила Стасенька.

Джульетту она вообще проигнорировала, зато позу Ромео вознамерилась, по-видимому, довести до совершенства. Она вертела его во все стороны, без конца меняя то разворот плеч, то положение рук, то ещё что-нибудь. Юлий исполнял её творческие замыслы с таким выражением лица, которое гораздо больше подошло бы скульптурному портрету кого-нибудь из героев-космонавтов или даже полярников.

Зрители перехихикивались и наперебой давали Стасеньке противоположные по смыслу советы. Наконец, она остановилась на варианте, близком к первоначальному, только теперь Ромео, стоя перед Джульеттой на одном колене, держал её руку в своей.

Все были довольны, но как только Рожнов, последний из творцов-ваятелей, неслышно прикрыл за собой дверь и уставился со странной усмешкой на Ромео-Юлия и Джульетту-Стасеньку, стало вдруг ясно, что самое интересное лишь начинается.

Чисто объективно, пылкую влюблённость они воплощали не очень убедительно. Юлий, вместо того чтобы с благоговением взирать на Джульетту, смотрел утомлённо куда-то в про-

странство. Стасенька же, по-видимому, все свои физические и душевные силы употребляла на то, чтобы её пальчики в руке Юлия тряслись не слишком заметно для толпящихся вокруг ценителей прекрасного. Вид у неё поэтому был скорее сосредоточенный и деловой, чем влюблённый. Однако Рожнов знал её достаточно хорошо, чтобы правильно оценить обстановку.

– Да-а-а, – протянул он, критически оглядывая «памятник». – Уровень художественной выразительности вне всяких сравнений. Здесь придётся поработать!

Прежде всего довольно-таки вдохновенным движением Вадим расцепил их руки. Потом поднял Юлия с колена и со словами:

– Может, лучше так? – отвернул его голову от Стасеньки на девяносто градусов.

Зрители отреагировали на неожиданное художественное решение радостным смехом. Обойдя пару раз вокруг «монумента», Вадим одумался и, вздохнув, снова развернул Ромео к предмету его страсти. Более того, затем он чуть ли не буквально толкнул Джульетту в объятия возлюбленного, причём долго не мог остановиться на наиболее ценном в художественном отношении положении её рук. Юлий старался сохранять по мере возможности спокойно-безразличный вид, пока Стасенькины пальчики искали по воле скульптора выгодный ракурс на его спине, но для него это было, безусловно, трудно, не говоря уже о ней. Благодарные зрители веселились от души.

– Вот так вроде ничего, смотрится, – одобрил, наконец, Рожнов. – Уважаемые леди и джентльмены, обратите, пожалуйста, внимание на скульптурный портрет Джульетты. Весь облик юной итальянской красавицы дышит пламенной страстью по отношению к... – здесь Вадим сделал выразительную паузу. – Нет, Ромео, к сожалению, не хватает эффектности... А что если попробовать такой вариант?..

Несколько уверенных движений, внезапный Стасенькин слабый писк – и восхищённые зрители награждают талантливого скульптора аплодисментами. Теперь памятник выглядит в высшей степени оригинально: Ромео держит любимую на руках.

– Маэстро, грандиозно! – хлопает в ладоши организатор конкурса. – Итак, вы удовлетворены?

– Пожалуй, не совсем, – отвечает с довольным видом маэстро, не сводя глаз с Ромео, который, сохраняя свой обычный независимый вид, всё-таки уже начинает чуть заметно пошатываться под тяжестью пятидесяти с лишним Стасенькиных килограммов.

– Общий замысел, бесспорно, гениален! – рассыпается в комплиментах Вайнберг. – Примите мои поздравления, маэстро. Вероятно, вас не устраивают лишь кое-какие детали?

– Да, именно так, – царственно кивает «гениальный» скульптор и неторопливо обходит «памятник», тщательно осматривая его со всех сторон.

– А он, случайно, не рухнет? – весело интересуется публика.

– Думаю, пока нет, – отвечает маэстро с ослепительной улыбкой.

Зрители радостно смеются.

Ромео пошатывается, однако стоит по-прежнему с прямой спиной и спокойным взглядом. Джульетта замерла у него на руках, словно пойманная птица. Если бывают, конечно, в природе птички таких не маленьких габаритов. (Пингвины?)

Неизвестно, сколько минут ещё Рожнов расхаживает около своего творения, выдавая публике пространные рассуждения о художественной значимости деталей. Однако и ему в конце концов становится ясно, что пора заканчивать, – тем более что Ромео, вопреки всем ожиданиям, так и не собирается ни опустить Джульетту на грешную землю, ни хотя бы как-нибудь проявить элементарные признаки нетерпения, утомления и т. п. Однако Вадим ещё не теряет надежды оставить последнее слово за собой.

– Эврика! – восклицает он тоном внезапного озарения. – Я понял...

Зрители почтительно умолкают.

– Одежда! – веско произносит маэстро. – В ней всё дело. Где вы видели скромного итальянского юношу, какого там века-то – пятнадцатого? Шестнадцатого? В джинсах?! Надо, наверное, их снять, как вы полагаете?!

Зрители в полном восторге. От их самозабвенного хохота колыхнулись стены. Не пошевелился лишь «памятник». Судя по всему, Ромео недооценивал творческую смелость маэстро.

– Сэнди, проассистируй, – скомандовал Вадим Лепилову, и они с отрешённо-торжественными лицами с разных сторон подступили к «монументу».

Ромео, как и предполагалось, дожидаться их дальнейших действий не стал. Он инстинктивно отпрянул, осторожно поставил Стасеньку на пол и, вскинув голову, холодно произнёс:

– Для подобных экспериментов вы выбрали не тот материал, маэстро.

По окончании очередного всеобщего приступа здорового смеха Рожнов констатировал, что, к сожалению, скульптурный материал оказался недостаточно прочным, и заявил, что отказывается работать в таких условиях.

В ту же минуту смолкли последние смешки, потому что Стасенька на глазах у всех шагнула к Юлию и как-то неловко, по-детски, со странным выражением лица прижалась головой к его груди.

В его глазах мелькнуло удивление, но тут же сменилось тем же непонятным выражением: что-то рвущееся и сдерживаемое одновременно.

Он отбросил волосы с лица, снова подхватил её на руки, открыл ногой дверь и неторопливо направился к лестнице.

В конце коридора Стасенька начала брыкаться и попросила:

– Пусти...

Он поставил её на пол.

– Подожди, мне надо одеться, – сказала Стасенька. – А ты где разделся?

– В 305-й, у Морозова. Не знаешь его?.. Подожди меня здесь. Нет, я тебя отнесу туда.

Он так и сделал, несмотря на её отчаянные протесты.

Гвалт в 814-й при их появлении тут же прекратился. В абсолютной тишине Юлий дождался, пока Стасенька обуется, потом подал ей шубу, спросил:

– Всё? – и снова унес в коридор.

Правда, теперь она стала вырываться сразу за дверью, которую он прикрыл ногой неплотно. Юлий остановился и спросил:

– Ну, ты чего?

– Пусти меня... Знаешь, я сначала не поняла, что он специально издевается. Конечно же, можно было сразу забрыкаться и дать ему в морду, я просто не сообразила...

Он засмеялся.

– Да ладно, в морду-то за что? Если у человека просто своеобразное чувство юмора...

– Юлий...

– Слушай, не здесь... Пойдём.

Дальше не было слышно ничего, кроме удаляющихся шагов.

14

Последняя фраза звучала в ушах у Вадима всю дорогу до дома. «Слушай, не здесь... Пойдём». Так твою распротак! Что же она там с ним собиралась делать, если ему это показалось неуместным?!

Вадим плюнул с досады под ноги и подумал, что где-то он просчитался. Недооценил Стасенькино увлечение. Впрочем, понятно – он ведь его практически совсем до сегодняшнего вечера не знал. С некоторым удивлением Вадим отметил, что чем-то Юлий ему даже понравился. Тем не менее, своё он получит. Как там у классика: «Ты будешь знать, такую-растакую мать, как с девочкой чужой гулять!»

Вадим усмехнулся, набрал номер и, услышав в трубке неизменно бодрый голос Толика, сказал небрежно:

– Привет, есть дело.

И дело это кратко изложил: случай, конечно, в его практике беспрецедентный, но у Вадима возникли некоторые проблемы в личной жизни. Да нет, при чём тут врач? Врач, возможно, потребуется, но немного попозже, и не ему, а тому типу, который, кажется, собрался отбить у него невесту.

– У тебя?.. – недоверчиво переспросил Толик.

– Представь себе! – мрачно отозвался Вадим.

Толик немного помолчал, затем обескураженно присвистнул в трубку. Видимо, представил. Потом запросил исходные данные и пообещал заглянуть завтра.

Вадим походил по комнате, отшвыривая с дороги стулья.

Сейчас они уже приехали к нему домой. Нет, так заводится из-за того, что там произойдёт, а может быть, как раз в данный момент происходит, право же, не стоит. В каком-то отношении это даже хорошо...

Пусть сравнит, так её разэтак.

И подумает!

Вадим был совершенно убеждён, что по части темперамента соперником лично ему мог бы быть разве что небезызвестный Джакомо Казанова в его лучшие годы. Вспомнив об этом, он решил времени даром не терять и задумался, кого из знакомых девочек можно навестить сегодня вечером.

На следующий день между ним и Стасенькой произошёл в столовой разговор примерно такого содержания.

Вадим (преувеличенно любезно): – Простите, у вас здесь свободно?

Стасенька (поперхнувшись томатным соком): – Как видите.

Вадим (меланхолично хрустя салатом из свежей капусты, ненавязчиво): – Хорошо ли провели вчера время?

Стасенька: – Спасибо, прекрасно. А вы?

Вадим: – Мы ещё лучше...

Стасенька (отодвинув пустой стакан, но не двигаясь с места): – С кем же это?

Вадим (чувствуя, что на суп времени не останется, алчно набрасываясь сразу на второе): – Да мало ли с кем! Желающих, слава Богу, хватает!

Стасенька (в пространство): – Хоть бы Бога не припутывал, развратник! А кто лучше – это, между прочим, ещё неизвестно!

Вадим (спешно заглатывая компот): – Как это – неизвестно? У тебя что, возникли вчера сомнения, кто из нас лучше – я или этот тип?

Тон его не допускает ни малейшей возможности каких бы то ни было колебаний. Он делает ставку на её непосредственность и не ошибается.

– Постель – это, дорогой мой, ещё не всё, что человеку нужно в жизни! – заявляет Стасенька, поднимаясь.

И полуголодный, но счастливый Вадим летит за ней как на крыльях.

В коридоре до Стасеньки наконец доходит, что она сморозила, но сказанного не вернёшь, остаётся лишь растерянно пробормотать:

– Ты... не так меня понял. Ты вообще ничего не понимаешь!..

– Это смотря в чём, – ласково отвечает Вадим, расправляя перед ней её шубу.

У него дома разговор продолжается, затронутая тема получает дальнейшее развитие.

– Ты меня что же, совсем не ревнуешь? – с некоторым удивлением спрашивает Стасенька.

– Было бы к кому, – снисходительно улыбается Вадим.

От его слов в сочетании с предельно довольным видом Стасенька неожиданно взрывается и сообщает Вадиму, что он просто-напросто самоуверенный болван. Ему, с его дебильным самомнением, не дебильным, конечно, а павлиньим... или индюшиным... индюшачьим? – неважно, каким, – просто не дано понять, что в постели может быть и по-другому: не только ощущения, но и чувства...

Допустим, присутствует какой-то дискомфорт, потому что испытываешь жуткое душевное напряжение, и... Нет, объяснить, наверное, тоже нельзя, да и без толку.

Основные положения её речи Вадим, тем не менее, уяснил: тип этот, видимо, слегка перестарался, всеми средствами афишируя свою якобы романтичность и тонкую душевную организацию. Хотя надо отдать ему должное: довести Стасеньку до состояния стресса – задача не из лёгких. Вадиму даже любопытно стало: как это у него, в конечном счёте, получилось? Интересно чисто с технической стороны...

– Ты что-нибудь понял? – строго спросила Стасенька.

– Не дурак, – вдумчиво ответил Вадим. – Значит, со мной ты не испытываешь душевного напряжения? Что ж, можно поискать, поэкспериментировать... не исключено, что ты меня в этом плане недооцениваешь...

Он совсем было уже собрался перейти к практической части обсуждаемого вопроса, но Стасенька, обозвав жениха чудовищем, решительно высвободилась из его объятий, и вовремя: в прихожей раздался звонок.

Это явился Толик Барышев, года два назад произведённый Вадимом в чин своего Главного тайного советника. Он принёс что-то типа оперативно собранного досье на гражданина Медникова Юлия Александровича.

Стасенька, которую Вадим дипломатично попросил пока заняться чаем, тут же прискакала из кухни, едва услышав краем уха его имя.

– Про кого это вы тут говорите?

– Да так, про общих знакомых, – небрежно отозвался Вадим. – Где, ты говоришь, он сейчас работает?

– В мебельном магазине «Комфорт», – заглянув в блокнот, доложил Толик.

– В каком ещё магазине? – удивилась Стасенька. – Он же в «Олене» играет...

– Там он только подрабатывает четыре раза в неделю, – компетентно пояснил Толик. – А работает в мебельном магазине грузчиком...

Тут Рожнов неожиданно закатился жизнерадостным смехом.

– Ну и умора... грузчиком! Он и так-то ходит – того гляди переломится, какой из него грузчик?!

– С ума сойти... – вздохнула Стасенька, хотя особенно сходить с ума было вроде не с чего.

Затем Толик подробно осветил отдельные факты и события как официальной биографии Юлия, так и его личной жизни.

Стасенька сидела будто зачарованная, а дослушав до конца историю Сладковского и Маши Воробьёвой, вдруг пробормотала:

– Ужас! Я её тогда вертихвосткой обозвала и ещё как-то...

– Кого? – заинтересовался Вадим. – Жену Сладковского – вертихвосткой? Ну, ты даёшь!

А она что?

– Её там не было...

– Почему же тогда – «ужас»? – не понял Вадим.

– Потому что при Юлии...

Вадим засмеялся.

– Подумаешь! Он что, другого о ней мнения?

– Мне кажется, он её до сих пор любит, – пробормотала Стасенька и поёжилась.

Слегка обалдевший Толик молча хлопал глазами. До него не сразу дошло, что Рожнов сидит и беседует тут не с кем-нибудь, а со своей невестой – заблудшей овечкой, которую ещё вчера требовалось срочно отвращать от легкомысленного увлечения случайно встреченным ресторанным музыкантом.

– Ребята, я не понял, – решил уточнить Толик. – У вас уже всё в порядке?

– Конечно, – сказал Вадим.

Стасенька возражать не стала.

– Так, значит, это уже не нужно? – Толик помахал блокнотиком.

– Нет, почему же, – Вадим взял блокнот и сунул его в карман. – Я дела обычно довожу до конца.

Толик хотел ещё что-то спросить, но Вадим соорудил ему выразительную рожу, и он умолк, а вскоре после чая с восхитительно тающим во рту «Птичьим молоком» отбыл восвояси.

– Скажи, зачем тебе этот блокнот! – потребовала Стасенька.

– Тебе подарю. На 8-е Марта.

– Я бы, пожалуй, не отказалась...

– Я так и понял!

– Только учти: если ты его тронешь хоть пальцем...

– Зайка, давай поговорим серьёзно. Ты же его не любишь!

Стасенька взглянула на жениха с любопытством.

– А как ты определил? Я, например, на этот счёт не так уверена.

– А мне определить легко! Я вообще неплохо в таких вещах разбираюсь.

– В каких – в таких?

– В любви, – сказал Рожнов скромно.

– Правда? – восхитилась Стасенька. – Слушай, так тебе можно платную консультацию у нас в общаге открыть. Каждому же интересно знать мнение специалиста!

– Тебя для начала могу проконсультировать бесплатно. Этот тип – твоё кратковременное увлечение, которое объясняется тем, что раньше у тебя таких мальчиков не было. Поэтому возникло естественное любопытство. Теперь ты его удовлетворила и успокоилась.

– Как по нотам! – снова восхитилась Стасенька. – Правильно, не было. Интересно только, каких – «таких»?

Вадим поразмыслил и выдал развёрнутую характеристику:

– Которые якобы с глубокими чувствами, а на самом деле просто морочат голову!..

Стасенька засмеялась было, а потом тоже задумалась.

– Знаешь, наверное, тупо, что я с тобой это обсуждаю, но ты в чём-то прав. И ты мне действительно гораздо ближе, чем он. С тобой легко и спокойно. А с ним... понимаешь, это для меня как-то слишком. Нет, я и сама ничего не понимаю... Не знаю, в чём тут дело, но на нервную систему почему-то действует кошмарно. Я потом почти всю ночь уснуть не могла. Он, кстати, тоже...

Вадим почему-то почувствовал себя ущемлённым: в их со Стасенькой первую ночь они оба едва продрали глаза к обеду и выспались отлично. Во все последующие расстройства сна тоже не наблюдалось.

– Интересно, с другими у него как? – задумчиво протянула Стасенька.

– Спросила бы, раз интересно! – предложил Вадим.

– Неудобно, – пробормотала она.

Это тоже было что-то новое. Вадима о его бывших подружках Стасенька расспрашивала то и дело, по поводу и без, неудобства при этом явно не испытывая.

– Ну, хорошо, – сказал Вадим. – А он? Он, думаешь, тебя любит?

– Не знаю...

– А я знаю! Даже не думает. Во-первых, для людей такого типа самое главное в жизни – независимость. Это прямо по роже его видно. Они уверены, мир создан персонально для них. Любить они не способны, потому что любовь предполагает зависимость, а они считают ниже своего достоинства зависеть от кого-либо. Кстати, Сладковский наш – типичный пример, у него это ещё ярче выражено. А вообще у них есть что-то общее... Так вот. Ты для него не более чем красивая игрушка. Кстати, вы договорились, когда встретитесь в следующий раз?

– Не совсем. Он сказал: «Ну, звони».

– Вот-вот. Очень на них похоже. Ты должна за ним бегать и ему звонить. Но он тебя всё равно бросит. Ты ему нужна исключительно для того, чтобы потешить собственное самолюбие, потому что для него нет ничего важнее. Знаю я этих творческих натур, гениев непризнанных. Маньяков этих, – Вадим почувствовал, что увлекается, и сбавил обороты. – Поёт он, впрочем, в самом деле неплохо. Наверно, пел тебе вчера?

– Да, а откуда ты знаешь?

– Ну, как же. Я его насквозь вижу. Показать-то себя надо!

– Это я попросила, он сначала отказывался...

– Конечно, отказывался – цену себе набивал. Короче, так. Я его не трону, если, во-первых, ты никогда ему больше не позвонишь. Во-вторых, свадьба у нас будет в «Олене» – я ему заплачу и закажу «Обручальное кольцо». В-третьих, мебель для нашей квартиры мы купим в магазине «Комфорт», и я устрою так, что...

Стасенька встрепелась.

– Для нашей квартиры?

– Да. У родителей, наконец-то, выгорело с обменом: будет две двухкомнатные – нам и им.

– Правда? – Стасенька чуть не запрыгала от восторга.

– От центра, правда, далековато, но первое время перебьёмся... Так как?

Стасенька мечтательно улыбнулась:

– Как в сказке!

– Я не про квартиру, а про всё остальное...

– Всё остальное тоже здорово. Особенно насчёт мебели. Мы с тобой будем ходить и ему указывать, где что поставить! – У Стасеньки даже глаза загорелись от такой заманчивой перспективы. – И потом дадим ему на чай!

– Если заслужит, – добавил Вадим, усмехнувшись.

Стасенька вырвала из записной книжки листок с телефоном Юлия и спросила с безмятежной улыбкой:

– Где у вас мусорное ведро?

До мусорного ведра они не дошли – завернули обратно в его комнату.

Смятый листок Вадим нашёл потом под кроватью и с наслаждением растерзал на мелкие клочки.

15

– Ты чё – поддал, что ли, с утра? – спросил завистливо Бодякшин, столкнувшись с Юлием в коридоре.

– Нет, ещё не успел! – сказал Юлий приветливо.

Он знал, что такой тон и вообще вид человека, довольного жизнью, здорово выводит Петю из себя. Так вышло и на этот раз – Бодякшин прямо на глазах позеленел и строго спросил:

– А почему рожа у тебя такая... вдохновенная?!

– Да у меня всегда такая, – сказал Юлий, ласково улыбаясь. – Ты просто не замечал!

– В том-то и дело, что и раньше замечал, – с неудовольствием сообщил Петя. – Ишь, скачет... как будто в лотерею выиграл!

Дальше выигрыша в лотерею Петины представления о высших радостях жизни не захотели.

– Да нет, я скачу просто потому, что на работу опаздываю! – утешил его Юлий, хватая с вешалки куртку.

Бодякшину заметно полегчало, и он начал было наставительно вещать что-то о необходимости рассчитывать своё время, но Юлий вылетел за дверь с такой скоростью, будто торопился не на работу, а всё-таки за выигрышем в сберкассах, – Петя даже опять слегка засомневался.

Магазин «Комфорт» находился от дома Юлия сравнительно недалеко – если припустить рысью, за оставшиеся до открытия десять минут можно было при желании успеть. Вообще-то он мог бы и не торопиться – директор магазина был дальним родственником Мэри и, считая Юлия её хорошим знакомым, на некоторые его вольности в плане трудовой дисциплины смотрел сквозь пальцы. Но сегодня опаздывать особенно не хотелось. Может быть, потому, что отношения с Мэри теперь не могли оставаться прежними.

Юлий с ходу взял хороший темп. Ночь без сна, конечно, при этом ощущалась – сердце сразу же заколотилось как бешеное, дыхание сбилось, в висках затюкало.

Приступив к разгрузке первого контейнера с наборами мебели для прихожей, Юлий подумал о Стасеньке и чуть не загремел с фургона в обнимку с очередным шкафом, потеряв равновесие, – такой ошеломляющей, головокружительной радостью отозвалась в нём эта мысль. Он боялся поверить, что в его жизни снова началось что-то настоящее.

Вчера после встречи с Машей у него оставалось одно-единственное желание – побыстрее уйти и напиться до бесчувствия.

Стасеньку видеть не хотелось.

Юлий прошёл мимо её блока и уже направился было к лестнице, но вспомнил о книге. Он стоял и раздумывал: зайти самому или попросить передать кого-нибудь из соседей. Из холла вышли парень и девушка.

– Витязь на распутье, – хихикнула она, стрельнув глазами в сторону Юлия, а дружок её тут же обобщил: – Распутный витязь!

Они проскакали несколько ступенек вниз по лестнице, внезапно парень резко развернулся и спросил удивлённо:

– Юлий, ты, что ли?!

Он тоже его узнал – это был Володька Морозов, с которым они отдыхали когда-то вместе на институтской турбазе. Ради приличия Юлий зашёл ненадолго к нему в гости, но пить отказался, заявив, что должен ещё навестить знакомую девочку. Морозов понимающе заржал и отстал.

Таким образом, пришлось всё-таки пойти к Стасеньке.

После первой же агрессивной реплики Рожнова Юлий вспомнил вдруг Стасенькино телефонное щебетанье о том, что они с ним собираются, а скорее всего, уже успели подать заявление.

Ему сразу стало ясно, что он ей нужен исключительно для того, чтобы заставить Рожнова ревновать, и что напрасно он всё-таки отказался от водки у Морозова.

Во всех их идиотских развлечениях Юлий участвовал только потому, что отказываться было ещё более глупо. Издёвки Рожнова во время игры в «памятник» его скорее отвлекали от ненужных мыслей, чем бесили, так как в целом Вадим вёл себя логично. Вообще всё было ясно – до того момента, когда Стасенька вдруг на глазах у веселящейся публики шагнула к нему и...

– Да куда же, так твою распротак, тебя заносит?! – рявкнул на Юлия его напарник дядя Федя. – Спать надо по ночам-то, брандахлыст ты этакий, а не по бабам шастать!

– Вы думаете? – вежливо отозвался Юлий.

Дядя Федя в ответ, как и предполагалось, разразился длинной вдохновенной речью о никчёмности, бестолковости и распутстве современной молодежи вообще и Юлия в частности. При этом он так разошёлся, что на шум выскочил из кабинета директор магазина Лев Иванович.

Вникнув в ситуацию, он ласково попросил дядю Федю материться потише, поскольку, как им всем известно, магазин борется за звание коллектива высокой культуры. Юлию же не менее приветливо сказал:

– С похмелья, что ли? Смотри на себя ничего не опрокинь, а то будет считаться производственная травма.

– А на других можно? – любознательно спросил Юлий, тонко намекая на то, что дяде Феде пора бы уже заглохнуть.

Он вернулся мыслями к Стасеньке. Никто не знает, как и что у них будет дальше, но, независимо от этого, то мгновение, когда она так неожиданно, у всех на глазах потянулась к нему и прижалась, как маленькая, – оно останется. И то, что случилось потом, – тоже. Тогда, за дверью, она бросилась к нему так, будто еле дождалась, пока они окажутся вдвоём. Одна пуговица на рубашке у него при этом расстегнулась, а ещё одна совсем отлетела и укатилась куда-то...

И ночью всё было не так, как с другими. В первый раз за последние три года он испытал что-то похожее на «дрожь любви, и смерть, и жизнь, и бешенство желанья...» Если раньше его только лишь веселила строка Дениса Давыдова «Ты сердцу моему нужна для трепетанья», то теперь... нет, веселить она не перестала, но в то же время Юлий вроде бы начал понимать и то, насколько это серьёзно.

Когда Стасенька попросила его что-нибудь спеть, он сначала попробовал отказаться, но потом всё-таки спел романс на его же, Давыдова, стихи, из фильма «Эскадрон гусар летучих»:

*Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай...*

Стасенька слушала, затаив дыхание, а когда он дошёл до слов «Иль нет, сорви покров долой, мне легче горя своеволье, чем ложное холоднокровье, чем мой обманчивый покой», насчёт покрова она, видимо, поняла по-своему и восприняла фразу из песни как руководство к действию. Да, есть что вспомнить...

Кто-то сказал, что воспоминания – тоже часть жизни. В сущности, каждый человек – это то, что с ним было. Жизнь, состоящая из ползущих, летящих, а чаще – скачущих дней, часов и

мгновений, представляет собой поток ощущений, большинство которых скользит по поверхности сознания, и лишь немногие западают в душу. Вот эти немногие как раз и составляют то, что в человеке – самое главное. Чем их больше, тем, наверное, богаче душа.

Может быть, только ради таких мгновений и стоит жить, потому что всё остальное уходит, как и не было, а они остаются, несмотря ни на что. В них в трудную минуту можно черпать уверенность и силы, и ощущение праздника, чего-то высокого, и светлого, и тёплого...

– Об чём задумался? – деликатно осведомился дядя Федя, тыча его в бок локтем.

– Об поллитре и малосольном огурце! – без запинки отрапортовал Юлий.

16

Перед тем как торжественно выбросить листок с телефоном Юлия, Стасенька, разумеется, выучила номер наизусть.

Договариваясь о встрече, она тешила себя мыслями о том, что увидеться с ним ей не столько хочется, сколько надо: должна же она, перед тем как окончательно расстаться, всё ему объяснить?

Внезапно Стасенька поняла, что это будет не очень-то легко. Особенно после той ночи... Зачем ей нужно было бесконечно твердить ему, как она его любит, кто её просил? В итоге всё получается просто великолепно: три дня назад любила Юлия, теперь опять – Рожнова... и выходит за него замуж.

Была суббота, но Юлий пообещал выбраться пораньше и заехать за ней вечером часам к девяти. Как назло, притащились Рожнов с Лепиловым. Вадим принёс кольца. Стасенька, как положено, попрыгала, порадовалась, но уже через полчаса раскрыла учебник методики и демонстративно в него уткнулась, во всеуслышание объявив, что ей надо готовиться к урокам.

Все были в отпаде, тут же принялись интересоваться её здоровьем и самочувствием, вообще всячески глумиться и, вместо того, чтобы не мешать и тактично удалиться, с громким ржанием побежали собирать соседей пламенными призывами не пропустить редкий аттракцион под названием «В субботний вечер». Стасенька, однако, не растерялась и именно в тот момент молниеносно оделась и резво поскакала к лифту.

Юлий приехал ровно в девять, и вслед за ним, по закону подлости, из этого же трамвая выпрыгнул Вайнберг. Стасенька инстинктивно шарахнулась в тень ограды, но было поздно: Юлий уже обнимал её, о чём-то спрашивал, а Генрих пялился на них во все глаза и оглядывался до самой двери. Таким образом, заготовленная для Рожнова версия об уединенном изучении методики в комнате для занятий отпадала, надо было придумывать новую, но Стасенька отложила это до лучших времён.

Она переступила знакомый порог с каким-то непонятным, совсем новым для себя чувством. Было почему-то страшно, вдруг всё окажется по-другому, не так, как тогда? И ещё переполняло предчувствие потери, её неизбежности, и совершенно непостижимое, захлёстывающее с головой ощущение счастья от того, что на столе опять горит свечка, что он опять сидит рядом и без конца поправляет нервным движением падающие на лицо волосы, что на его тонком запястье бьётся жилка, и отчётливо видно, как она бьётся, – ощущение даже не просто счастья, а какой-то благодарности, что ли? (Кому? За что?)

Странно и непонятно, почему этот в сущности чужой, почти незнакомый человек, которого она видит четвёртый раз в жизни, ей сейчас дороже всего на свете и гораздо ближе Рожнова, которого она любит второй год и за которого через три недели выходит замуж... Кстати, о свадьбе – может, сейчас вот всё ему и сказать?.. Он вскинул на неё глаза, и сердце затрепыхалось, и от нежности к горлу подступил комок...

– Юлий... я люблю тебя...

Ничего не пропало. Всё снова было, как тогда, в первый раз. И потом, когда они лежали в темноте без сна, взявшись за руки, Стасенька думала о том, что в Юлии есть что-то такое, чего в Рожнове нет и не было отродясь... Внезапно она испугалась, что это конец, и ничего больше никогда не повторится. Жуткое слово – «никогда»...

– Юлий...

– Что?

– Мне страшно, – прошептала Стасенька.

Он сжал её пальцы в своих.

– Мне, как ни странно, тоже...

- И тебе? – встрепенулась она.
- Да...
- Почему?
- Не знаю. Наверное, боюсь тебя потерять...

С ума сойти – он боится её потерять! И не боится говорить ей об этом! Стасенька зажмурилась от счастья. В конце концов, это невыносимо... Внутри всё дрожит, дышать трудно, что же такое с ней делается-то? Нет, надо с этим покончить раз и навсегда, сейчас она ему всё скажет...

- Юлий.
- Что?
- Спой мне что-нибудь, пожалуйста...
- Хочешь «Колыбельную»?
- Хочу!

Он взял гитару и тихо спел ей колыбельную из репертуара «Цветов»:

*Какую песню спеть тебе, родная?
Спи, ночь в шале только шесть часов...*

Песня была старая, когда-то сто лет назад он пел её по телефону Маше.

*Пусть, милая, тебе спокойно спится,
А я пока долину осмотрю.
Скажу, чтоб вовремя запели птицы,
Задую звёзды и зажгу зарю...*

Стасенька слушала с горящими глазами.

*«Спокойной ночи», – говорю я снова
И верую, что не настанет дня,
Когда тебе два этих тихих слова
Промолвит кто-нибудь позднеей меня...*

«Если не настанет, – с грустью подумала Стасенька, – то только потому, что Рожнов никогда никому не говорит «Спокойной ночи», мне в том числе... Как же всё-таки сказать про свадьбу? После этой песни ещё...»

Потом снова долго лежали в молчании, пытаясь заснуть. Не получалось.

– Юлий, – позвала она тихо. – Ты спишь?

– Нет.

– А о чём ты думаешь?

Он почему-то смутился.

– Тебе это будет неинтересно.

– Нет, скажи! О чём?

Он глубоко вздохнул.

– Ну, о том, что завтра – первое марта...

– И что? – удивилась Стасенька.

– В ночь на первое марта 1881 года народovolыцы готовились к покушению на Александра II...

Если бы он в ответ на её вопрос повернулся и стукнул ей по лбу, Стасенька, конечно, тоже была бы удивлена, но гораздо меньше.

– Народошольцы? Там у них брат Ленина был, да?.. – спросила она, чтобы показать знакомство с предметом.

– Да, но это уже потом. Сначала – Михайлов, Перовская, Гриневицкий. Желябова в эту ночь с ними не было, его накануне арестовали, Квятковского ещё в ноябре повесили...

– Подожди, – сказала Стасенька.

Он об этих народошольцах рассказывал, как о своих знакомых, а она совершенно ничего о них не помнила, кроме того, что Желябов и Перовская, кажется, любили друг друга. Чтобы блеснуть эрудицией, она спросила:

– Они любили друг друга, да?

– С кем, с Ивановой-то? – уточнил Юлий. – Наверно... Я вот до сих пор не могу понять, зачем он тогда высунулся, сказал, что это всё его – и газеты, и динамит... Его же могли совсем не тронуть, а девице так и так Сибирь светила...

– Кто высунулся – Желябов?

– При чём тут Желябов, ты же про Квятковского спросила...

– А кто это такой? – с милой непосредственностью поинтересовалась Стасенька.

Он рассказал ей о Квятковском – одном из руководителей организации, который был арестован из-за нелепой случайности и казнён через год в Петропавловской крепости. О Михайлове, погибшем в Алексеевском равелине, – он был схвачен из-за фотографий приговорённых к каторге товарищей, которые требовалось переснять. О Котике, взорвавшем себя вместе с царём, и о Тигрыче, ставшем вдруг через несколько лет ярым монархистом. Об Окладском и Рысакове, которые решили, когда дошло до дела, спасти свои шкуры ценой предательства. Рысакова было особенно жалко: он остался внакладе – и продан, и всё равно повесили... Стасеньке было интересно. Она слушала Юлия, боясь пропустить хоть слово. Потом спросила:

– А откуда ты всё это знаешь?

Он усмехнулся:

– Да я вообще много чего знаю. Но сейчас мы будем всё-таки спать!

После этого они ещё долго ворочались и забылись уже ближе к утру.

17

– Ну, сегодня на переводе что-то будет! – сообщила перед тактикой Наталья. – У Сладковского на глазу ячмень вскочил, он ходит злющий и ко всем придирается. На «допросе пленного» в 409-й группе заявил, что если бы они переводили так показания настоящих пленных, их всех в лучшем случае отправили бы в штрафную роту!

Получив такую информацию, народ в страхе разбежался по врачам, осталось четверо самых смелых. В начале занятия Сладковский высказал своё мнение о группе в целом, наиболее подробно – о её возмутительной недисциплинированности. Затем отдельно осветил работу старосты, то есть командира отделения тов. Каялиной, которая своим попустительством отнюдь не способствует повышению дисциплины.

В ответ на это Лора пожала плечами и сказала:

– Ну, если они все заболели?

– Вы мне голову не морочьте, – процедил сквозь зубы Сладковский.

Он долгое время не вылезал из-за границы и по-английски изъяснялся, пожалуй, свободнее, чем по-русски.

– Никто вам ничего не морочит, – возразила Лора с невинным выражением лица.

Сладковский почувствовал, что здесь что-то не так, хотя никто не посмел даже хихикнуть, и мгновение-другое молча пытался убить её взглядом. Потом сказал:

– Ve-ery nice! – и начал спрашивать домашний перевод текста.

Разумеется, с Лоры. В её переводе придраться можно было лишь к мелочам, что он и сделал – явно не без удовольствия. Потом взялся за Шитову, которая тут же с перепугу выдала ему:

– Калибр гаубицы – три миллиметра...

– Она что, иглками стреляет?! – тихо, но выразительно поинтересовался Сладковский. Аська на этом не остановилась и заявила, что «скорострельность её – тридцать оборотов».

– Гаубица выстрелит – и повернётся вокруг себя от радости! – мрачно прокомментировал Сладковский.

Полякова он стал гонять по словарю, и очень скоро тот вместо «район посадки и погрузки» пролепетал на нервной почве:

– Район посуды и погрязки.

Несмотря на обстановку, почти приближенную к боевой, Аська с Натальей захихикали, а Лора вообще уткнулась от смеха в стол.

Потом Поляков, которого Олег Владимирович в очередной раз с уничтожающим видом поправил, осмелился пробормотать, что в словаре даётся именно такое значение слова. Сладковский дал ему на этот счёт чёткое указание:

– Наплевать и забыть!

– В словаре неправильно, да? – удивился Поляков.

– Возьмите словарь Судзиловского, – процедил Сладковский.

– Он толстый? – зачем-то спросил Поляков.

– Словарь – да! – ответил Сладковский.

Кто-то из девиц опять захихикал. Олег Владимирович обвёл всех выразительным взглядом и переводить «показания пленного» вызвал опять Лору. Сам он выступал и за пленного, и за начальника разведки.

– Ваше имя и звание? – спросил он сквозь зубы за начальника.

Лора перевела.

– Предположим, я понял, – сказал Сладковский издевательским тоном и, посмотрев на неё сверху вниз, снисходительно сообщил, что зовут его Генри Мак-Элроуз.

Дальше всё пошло сравнительно гладко – до того места, где «пленный», глядя в отпечатанный текст, зачитал в ответ на вопрос о сроке планируемого наступления что-то насчёт второй декады текущего месяца.

Лора так и перевела. Тогда Сладковский опять на неё уставился и заявил, что, к её сведению, английское слово «decade» не является эквивалентом русскому «декада»: в первом случае это – «десять дней», а во втором – «десять лет».

Насчёт английского Лора не была уверена, но в том, что в русском слово «декада» обозначает именно десять дней, а не лет, сомнений никаких не было. Поэтому в ответ на требование перевести «показание пленного» снова, она повторила слово в слово то, что сказала раньше. Сладковский, не сводя с неё убийственного взгляда, начал медленно подниматься из-за стола.

Все замерли, а Лора машинально отметила, что ячмень на левом веке его нисколько не портит, хотя по идее должен бы.

– Вы что, не поняли? – мрачно поинтересовался Сладковский. – Если речь идёт о десяти днях, нельзя по-русски сказать «декада»!

– Вы в этом уверены? – спросила Лора, потому что на какое-то мгновение засомневалась в том, что было общеизвестным.

– Абсолютно, – процедил Сладковский.

– А я нет, – пискнула Лора еле слышно.

Все остальные в дискуссию по скользкому вопросу предпочли не вступать.

Сладковский вскинул брови и высказал что-то насчёт «удивительной самонадеянности», которая в его устах прозвучала приблизительно как «беспримерное нахальство», и порекомендовал Лоре обратиться к словарю Хорнби.

В перерыве она так и сделала и молча положила перед заполняющим журнал Сладковским карточку с выписанным значением английского слова «decade» – «десять лет».

– Ну? – высокомерно сказал он, посмотрев.

– По-английски – «десять лет», а не по-русски, – сказала Лора.

– А я что говорил? – небрежно поинтересовался Сладковский.

– А вы говорили – наоборот.

– Ну, может быть, – процедил он с видом человека, которого отвлекают от дела по пустякам.

– Значит, это в тексте была ошибка, – пробормотала Лора. – Нельзя там употреблять «decade»...

– Значит, была! – снисходительно согласился Сладковский, закрыл журнал и вышел неторопливо из аудитории.

Поляков сказал Лоре:

– Ну, чего добились? На экзамене он тебе эту «декаду» вспомнит – не обрадуешься!

– Во-первых, – возразила Лора, – он не из таких, а во-вторых – что ему вспоминать? Я к нему прекрасно отношусь...

Вообще, после этого случая она начала бы относиться к Сладковскому ещё лучше, если бы такое было возможно. В своей обычной роли супермена он был, конечно, хорош, но в образе человека, которому, как и всем, случается ошибаться, выглядел нисколько не хуже – наоборот, даже как-то ближе чуть-чуть стал.

Лоре почему-то захотелось сделать ему что-нибудь приятное. В общежитии она вырвала листок из тетради по страноведению и, устроившись на «лежбище», попыталась своё неожиданное и необъяснимое желание оформить. Минут через сорок стишок на английском, посвящённый Сладковскому, был готов. Лара подумала и перевела его. По-русски он звучал не так эффектно, но столь же душевно:

Вы были б совершенством в самом деле,

*Когда б ценилось только самомнение.
Мне непонятно, чем же вы сумели
Внушить толпе любовь и восхищенье.*

*Блестящий ум? Поверите едва ли,
Но этого мне, как ни странно, мало,
Чтоб на колени хлопнуться пред вами,
Дрожа в экстазе страсти небывалой.*

*Ну, что ещё там остается – тело?
Что ж, с этим, без сомненья, всё отлично.
Но вашу **душу** тронуть мне б хотелось:
Проверить – только и всего! – её наличие.*

18

Когда вечером явился Рожнов и с ходу обратился к Стасеньке с вопросом «Молилась ли ты на ночь, моя радость?», она ничего не поняла и удивилась. Только когда он на неё набросился и вроде бы стал душить, Стасенька сообразила, что Вайнберг, очевидно, уже успел поделиться с ним впечатлениями от их встречи на трамвайной остановке. Пришлось обозвать ново-явленного Отелло «клоуном» и кое-как вырваться из его железных лап.

– Ни фиги себе, я же ещё и клоун! – возмутился Вадим, однако душить её перестал.

– Должна я была поставить его в известность, как ты думаешь? – поинтересовалась Стасенька чуть-чуть более агрессивно, чем следовало.

– Для этого тебе потребовалась целая ночь? – осведомился Рожнов деловым тоном.

– Ну и что? – наивно возразила Стасенька.

– Одной больше, одной меньше, – рассудительно добавил Лепилов, за что тут же получил подушкой по голове.

Он с радостным смехом снялся с «лежбища» и, отбежав в целях безопасности в дальний угол, скромно уселся там на стул.

– Так чем же вы с ним занимались? – продолжил светским тоном Рожнов.

– А как ты думаешь? – спросил Лепилов с самым невинным выражением.

Стасенькина подушка незамедлительно полетела в угол. Сэнди её ловко поймал и кинул в Рожнова. Вадим сунул её себе под бок и глубокомысленно заявил:

– Я полагаю, вы с ним всю ночь вели беседу о любви и дружбе.

– Нет! – с жаром возразил Сэнди. – Только о дружбе!

– Вы оба дураки, – сказала Стасенька. – Если хотите знать, мы с ним правда всю ночь разговаривали...

– О чём бы это? – поинтересовался Рожнов со сладкой улыбкой.

– О народовольцах, – не подумав брякнула Стасенька.

– О чё-о-ом?! – переспросил Рожнов, уставившись на неё во все глаза.

– О народовольцах...

Сэнди, молча хватавший ртом воздух, наконец, разразился диким хохотом. Рожнов зашёлся тоже. Они ржали до полного изнеможения, с криками «Ой, не могу!» и «Ой, умираю!», настолько самозабвенно, что Стасеньке вдруг тоже стало смешно. Не смеялась одна Лора. Переждав приступ их буйного веселья, она неожиданно спросила:

– А о чём именно?

– Ну... сначала о первом марта... – вытирая выступившие от смеха слезы, ответила Стасенька. – Потом вообще о них обо всех... про какого-то Витковского он что-то рассказывал...

– Квятковского, – поправила Лора.

– Какая разница... Много их там всяких, – отмахнулась Стасенька. – Смешно, конечно...

– Он не всякий, – вдруг перебила её Лора. – А ему... ну, этому твоему Юлию... когда вы о них говорили, ему тоже было смешно?

– Вообще-то нет, – сказала Стасенька. – Как ни странно...

– Анекдот, – заключил Рожнов. – Нет, он у тебя явно со сдвигом. Так я не понял, ты ему сказала, что замуж-то выходишь?

– Да, – не моргнув глазом соврала Стасенька.

– А он?

– Благословил! – снова заржал Лепилов.

Для усыпления Стасенькиной бдительности Вадим сделал вид, что на этот счёт успокоился, однако решил всё-таки разобраться до конца.

На досуге (точнее, на лекции по теорграмматике) он перечитал информацию в полученном от Толика блокноте. Материала хватало: здесь можно было развернуться.

Самыми ценными являлись, пожалуй, сведения о «близких отношениях» этого типа с женой Боба Веденеева. Боб был старше Рожнова на три курса, но несколько раз им доводилось весело проводить время в одних и тех же компаниях, так что при необходимости возобновить приятельские отношения с ним проблемы не представляло.

Боб был деловым человеком. Окончив институт кое-как, он, тем не менее, сумел устроиться переводчиком в престижном НИИ, причём не с английского – своего основного, и даже не с немецкого – второго языка, а с японского, хотя понимал в нем не больше, чем Паша Минин – в латыни. Здесь нужно пояснить, что непосредственно перед экзаменом Паша мог произнести на этом языке, а точнее, всего лишь с его элементами одну-единственную популярную на факультете фразу: «Тамбовский люпус тебе амикус».

Самое интересное заключалось в том, что вот уже почти два года из НИИ Боба не гнали и один раз даже дали какую-то сверхплановую премию, которую он пошёл пропивать, кажется, в «Москву», – Вадим сейчас не помнил точно название кабака, в котором они тогда случайно встретились.

Любопытно, известно ли Веденееву о том, что его распрекрасная Мэри крутит роман с этим типом?..

Кроме того, интерес представляли также сведения о том, что комнату в коммуналке Медникову сдаёт некая Кривцова Любовь Петровна, официантка из кафе, где он подрабатывает. Можно будет сделать ему подлянку с «квартирным вопросом»: намекнуть этой особе, что есть желающие платить за её хоромы больше. Мелко всё это, конечно, но что ещё в наших условиях можно сделать? Где-нибудь на Сицилии он бы с ним, понятно, обошёлся по-другому.

Вадим усмехнулся, представив себе красивую динамичную сцену авантюрно-мафиозного содержания.

Вот он в сопровождении двух преданных громил-телохранителей входит в убогую комнатушку в коммуналке. Встрёпанный гражданин Медников при их появлении прекращает пялиться в телевизор и в страхе забивается в самый дальний угол.

Дальше надо сказать что-нибудь изысканное, например, из «Крёстного отца»: «Через минуту на этой бумаге окажется ваша подпись – или ваши мозги!» Красиво, но зачем Вадиму его подпись? Не расписку же с него брать в том, что он не намерен отбивать Стасеньку...

В крайнем случае, можно просто набить ему морду. Но сначала – разведать обстановку.

Разведывать её Вадим поехал в понедельник к Медникову домой. Хоть Стасенька и выбросила его номер телефона, они как-то сумели тогда встретиться, следовательно, необходимо было блокировать всяческую инициативу с его стороны.

Юлий оказался дома. Открыв дверь, взглянул удивлённо, но тут же принял свой обычный независимый вид.

– Заходи. – Кивнул ему на диван, сам сел на подоконник. – Чем обязан?

– Не догадываешься? – спросил Вадим небрежно.

– Какие-нибудь проблемы в личной жизни? – предположил Юлий с легкой тенью издёвки.

Вадим некоторое время молча смотрел на него, чувствуя, что, пожалуй, уже не прочь начать действия, предназначавшиеся на крайний случай.

– Проблемы, – произнёс он, наконец, медленно и отдельно, – в скором времени возникнут, по всей видимости, у тебя. Если не оставишь Стасеньку в покое. Она – моя невеста, тебе это понятно?

– Видишь ли, – сказал Юлий спокойно. – Я вообще-то против браков по расчёту. Не станешь же ты утверждать, что она тебя любит?

Вадим уже с трудом сдерживал закипающее бешенство.

– Интересно, кого же ей ещё любить? Уж не тебя ли?

Молчание Медникова, а ещё больше – совершенно неуместное в данной ситуации выражение теплоты, мелькнувшее на какое-то мгновение в его глазах, совсем сбили Вадима с толку.

– Короче, так, – сказал он, поднимаясь. – Считай, что я тебя предупредил.

И отбыл восвояси.

«Самоуверенный болван», – подумал Юлий.

Интересно, какая была бы рожа у этого красавчика, доведись ему слышать в ту ночь свою невесту: «Юлий, я люблю тебя!» – открытым текстом. И дальше – что это какое-то наваждение, что она никогда не испытывала ничего подобного с Рожновым, да, даже не «с Вадимом», а «с Рожновым», – и снова: «Юлий, ты... Я люблю, люблю, люблю тебя...»

Он неожиданно почувствовал к сопернику что-то вроде лёгкой жалости.

Собственно, понятно, почему. На мгновение снова вспыхнула оглушительная боль, которой отозвалось в нём три года назад известие о любви Маши к Сладковскому. Мир рушила невозможность осознать, каким образом несколько дней разлуки перечеркнули вдруг все их сумасшедшие от счастья годы, и минувшие, и те, что никогда уже не будут ими вместе прожиты...

Юлию каждый раз становилось мутрно и невыносимо стыдно при воспоминании о том, как корёжило его «возвышенное светлое чувство», именуемое любовью. Как швыряло от бутылки к бутылке, от одной глупости к другой...

Дело дошло до того, что однажды ночью, в совершенно трезвом виде, он дозвонился по межгороду до Феликса Ржаева и в ответ на его полусонно-удивлённое «алло» чётко выговорил: «Слушай, а что ты делал, когда она тебя бросила?» «Чего-о?» – спросил тот слегка обалдело. Юлий всё так же чётко повторил: «Что ты делал, когда тебя бросила твоя девица?» «Меня? – ещё больше удивился Феликс Ржаев. – Да меня вроде никто не бросал!» «Маша», – через силу произнёс Юлий. «А-а, Маша! – Феликс Ржаев как будто даже обрадовался, что вспомнил. – Воробьёва, да? Ты знаешь, я сначала очень удивился – она тогда вроде в восьмиклассника какого-то влюбилась... а потом... потом у нас как раз встреча с «Химиком» была, они нас всухую раздолбали 4:0... А это кто, вообще, говорит?» «Спасибо», – сказал Юлий и трубку повесил. Ему тогда стало чуть-чуть легче после этого разговора. Что-то едва заметно засветилось на горизонте. С тех пор, как Маша бросила Феликса Ржаева, прошло не так уж много времени, а он жив-здоров, всё у него, кажется, в порядке, даже и вспомнил не сразу...

Да, конечно, Рожнову сейчас не позавидуешь, но он, с его отношением к жизни, переживёт разрыв гораздо быстрее и легче. За время работы в кафе Юлий на таких мальчиков вдоволь насмотрелся и имел довольно ясное представление о системе их жизненных ценностей.

То, что они называли любовью, занимало там место далеко не первое.

19

С Мэри Юлий познакомился давно, ещё в их бытность абитуриентами, в старом институтском общежитии, насквозь пропахшем разнообразными средствами от клопов и тараканов.

То ли поздно вечером, то ли даже уже ночью кто-то пришёл с очередной бутылкой и с лососем, и выяснилось, что нет хлеба. Командировали Юлия с Вахтангом на поиски. Они поступили умно: вырубили в коридоре свет и стали высматривать двери со светящимися щелями. Час был, по-видимому, действительно поздний, потому что дверей таких на всем этаже обнаружилось, кроме их собственной, только три. В первой комнате их облаяли, не открыв. Во второй за столом сидел, уставившись в книжку, какой-то заучившийся отличник, который долго не мог понять, чего от него хотят, и в конце концов предложил им вместо хлеба лимонных вафель.

– Кушай сам, дорогой, – укоризненно сказал ему Вахтанг и потянул Юлия к третьей двери.

Оттуда после их стука слышалась легкая возня, и через минуту на пороге появилась девица в длинном серебристо-сиреневом халате, с распущенными чёрными волосами и недовольным выражением красивого заспанного лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.